

В П Е Р В Ы Е Н А Р У С С К О М



УИЛКИ КОЛЛИНЗ

*Без права
на наследство*



ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Уильям Уилки Коллинз
Без права на наследство

«Издательство К.Тублина»

2014

Коллинз У.

Без права на наследство / У. Коллинз — «Издательство
К.Тублина», 2014

Уилки Коллинз наряду с Эдгаром По и Артуром Конан Дойлем заслуженно считается одним из основателей жанра детектива. Такими его романами, как «Лунный камень», «Женщина в белом» и «Мой ответ – нет», зачитываются поколения читателей. Роман «Без права на наследство» выходит на русском языке впервые. Трагический случай оставляет девушку из аристократической семьи без права не только на наследство, но даже на родовое имя. Но талантливая и энергичная красавица не собирается сдаваться на волю судьбы – всю свою изобретательность и отчаянную дерзость она бросит на дело восстановления справедливости. Правда, для этого придется многим поступиться...

© Коллинз У., 2014

© Издательство К.Тублина, 2014

Содержание

Предисловие	5
Первый акт	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	17
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	30
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	43
Глава XI	48
Глава XII	52
Глава XIII	56
Глава XIV	62
Глава XV	65
Интермедия	73
I	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Уилки Коллинз

Без права на наследство

*Фрэнсис Карр Берд
(члену Королевского хирургического колледжа Англии), в память о
временах, когда были написаны заключительные эпизоды, этой книги*

Предисловие

Эта история посвящена предмету, волновавшему величайших писателей прошлого и настоящего, предмету, который никогда не перестанет интересовать людей. Еще одна книга о человеческой душе, разрывающейся между Добром и Злом. Мне хотелось представить Магдален как воплощение такой борьбы. Она полна жизни, хотя совершает ошибки и глупости. Мне хотелось, чтобы правда явилась в моей истории в соответствии с законами Природы. Трудная задача, но смею надеяться, что результат оправдывает мои усилия и ожидания читателей.

Вентральная фигура оттенена другими – совсем непохожими на нее, и я пытался подчеркнуть контраст юмором. Серьезные сцены перемежаются забавными – это отвечает законам Искусства, кроме того, ведь (надеюсь, читатели согласятся с моим суждением) и в жизни не случается чистой трагедии. Взгляните сами: темное и светлое бесконечно переплетаются, образуя ткань человеческого бытия.

Перейдем от персонажей к истории как таковой. Ее структура заметно отличается от плана моего предыдущего романа и ряда ранних сочинений. Единственная тайна раскрывается в середине первого тома. С этой точки зрения главные события сознательно оставлены в тени до поры до времени – я намерен увлечь читателя потоком событий. В этой попытке я решительно отказался от прежнего опыта построения рассказа. Я стремился следовать новым курсом, расширить круг своих представлений об искусстве повествования и опробовать новые формы, в надежде, что читателям они понравятся не меньше, чем мне самому.

Нет нужды что-то еще добавлять к этому вступлению. Все, что я мог бы теперь сказать, уже есть в этой книге.

Первый акт

Ком-Рейвен, графство Сомерсет

Глава I

Стрелки настенных часов в загородном доме в Западном Сомерсете, известном как Ком-Рейвен, показывали половину шестого. Было четвертое марта 1846 года.

Единственными звуками, нарушавшими таинственную утреннюю тишину холла и лестницы, были тиканье часов и храп большой собаки, растянувшейся на коврик в столовой. Но кто же спал в верхних комнатах? Пусть сам дом раскроет свои секреты, один за другим, по мере того как обитатели будут спускаться в гостиную.

Когда стрелка передвинулась вперед, отметив время без четверти семь, пес проснулся и встряхнулся всем телом. Не дождавшись лакея, который должен был выпустить его на улицу, пес прошел от одной закрытой двери первого этажа к другой и в недоумении вернулся на коврик, ограничившись грустным стоном, обращенным к спящей семье.

Еще не замерла последняя горестная нота, как заскрипели ступени наверху. Минуту спустя показалась служанка, кутавшаяся в линялую шерстяную шаль, – мартовское утро было зябким, а повариха страдала от ревматизма.

Пес радостно приветствовал ее, и повариха выпустила его наружу. Над просторной лужайкой, окаймленной темными елями, сквозь груды свинцовых облаков вставало солнце, кое-где падали тяжелые капли дождя, мартовский ветер трепал сырые ветви деревьев.

Пробило семь, домашняя жизнь набирала темп.

Спустилась горничная – высокая и стройная, с красным от типичного весеннего насморка носом. Затем личная горничная хозяйки – молодая, шустрая, пухленькая и сонная. Прыщавая кухонная служанка, за ней зевающий лакей с недовольным видом невыспавшегося человека.

Слуги собрались у медленно разгорающегося очага на кухне, переговариваясь между собой по-семейному. Их волновал вопрос: видел ли лакей Томас что-нибудь на концерте в Клифтоне, который накануне вечером посетили хозяин и его две дочери. Да Томас слушал музыку, ему же платят за сопровождение, концерт был громкий, очень громкий, вот неясно: стоило ли ехать шестнадцать миль по железной дороге, а потом еще девятнадцать миль в экипаже и вернуться в половине первого ночи, хозяин и молодые леди ему свое мнение не высказывали, а сам Томас был уверен – все это пустые хлопоты. Дальнейшие расспросы служанок не помогли узнать больше о самом концерте. Томас не мог напеть мелодию или описать платья дам. Слушательницы были разочарованы и занялись обычными делами. Часы пробили восемь, у всех было много работы.

Четверть, половина девятого – в хозяйских спальнях тихо. Наконец спустился мистер Эндрю Ванстоун, глава семьи.

Высокий, грузный, голубоглазый, с прямой осанкой и здоровым цветом лица, он был облачен в охотничий коричневый пиджак – по рассеянности неправильно застегнутый. Хозяйина сопровождал сварливый скотч-терьер. Мистер Ванстоун опустил одну руку в карман, а второй опирался на перила. Спускаясь по лестнице, он напевал. Это был добродушный, красивый джентльмен, познавший светлую сторону жизни и наслаждавшийся возможностью раскрывать ее для других. Жизнерадостность его не ослабела к пятидесяти годам. Легкий нрав, крепкое телосложение и умение радоваться придавало ему облик человека, которому еще и сорока не исполнилось.

– Томас! – мистер Ванстоун надел фетровую шляпу и взял толстую трость со столика в холле. – Завтрак сегодня накрывайте в десять. Молодые леди хотят выспаться после концерта. Кстати, как тебе самому понравилась музыка? Отлично? Такой ритм, и дамы при полном параде, только ужасно душно и тесно. Да-да, Томас, отличный концерт, но ужасно неудобно.

Высказав мнение, мистер Ванстоун свистом позвал терьера и вышел на прогулку, несмотря на дождь и ветер.

А стрелки все ползли по циферблату, и вот уже показывали без десяти десять. Теперь настал черед остальных обитателей явиться на сцене. Первой стала гувернантка, мисс Гарт.

Любому было ясно, что она северянка: твердые черты лица, почти мужская решительность движений, открытый взгляд – все изобличало в ней женщину, родившуюся и воспитанную на границе Шотландии. Ей едва перевалило за сорок, волосы тронула седина, прикрытая простым старушечьим чепцом, который очень ей шел. Мисс Гарт выглядела старше своих лет, печать пережитых трудностей запечатлелась в ее облике, но держалась она уверенно, так как занимала в семье Ванстоун достойное место. Ее не назвать несчастной и униженной гувернанткой. Наниматели уважали и ценили ее – и не без оснований.

– Завтрак в десять? – переспросила мисс Гарт, когда лакей появился по ее звонку и сообщил о распоряжении хозяина. – Ха! Так и знала, что от вечернего концерта добра не жди. Когда сельские жители начинают устраивать такие развлечения, дела семьи расстраиваются. Судя по красным глазам и криво завязанному галстуку, вижу, ты скверно себя чувствуешь, Томас. Подавай чай без четверти десять. Если в течение дня не станет лучше, зайди ко мне, я дам тебе лекарство.

Когда лакей ушел, мисс Гарт пробормотала себе под нос:

– Хороший парень, но концерт за двадцать четыре мили от дома ему явно не по силам. Надо было им взять меня!

Пробило девять, но лишь двадцать минут спустя раздались на лестнице новые шаги. Появились сразу две леди: миссис Ванстоун и ее старшая дочь вышли к завтраку. В юности миссис Ванстоун привлекала естественной английской красотой – свежестью лица, теперь превратившейся в воспоминания. Однако она сохранила другие достоинства. В свои сорок четыре, потеряв безвременно нескольких детей и вырастив двоих, она оставалась довольно стройной. Ее старшая дочь была почти идеальной копией матери – точнее, напоминанием о ее юности. Даже прически у них были схожими, только волосы миссис Ванстоун начали седеть, а у мисс Ванстоун ниспадала на плечи копна густых темных локонов. Щеки дочери были румяными от природы, в то время как мать вынуждена была наносить искусственные румяна. Мисс Ванстоун уже вполне созрела, ей было двадцать шесть лет. Унаследовав красоту матери, она не имела ее очарования. Тот же тип лица, изящные черты, но пропорции менее правильные. Рост поменьше. Темные глаза не имели живого блеска, характерного для взгляда матери в юные годы. Не хватало девушке и выразительности мимики, женственности, она казалась слишком спокойной и даже вялой. Но часто ли сила характера и интеллектуальные способности передаются от родителей к детям? В наши дни все чаще молодежь страдает нервной истощенностью и некоторой болезненностью.

На матери было коричневое платье, дополненное индийской шалью, дочь выбрала простое черное одеяние, украшенное лишь темно-оранжевой лентой по подолу.

– Как жаль, что тебя не было с нами на концерте, мама, – сказала мисс Ванстоун. – Не думаю, чтобы поездка слишком утомила тебя.

– Может, и так, но я предпочла не рисковать здоровьем.

В дверях появилась мисс Гарт.

– Взгляни на Нору, – продолжала миссис Ванстоун, обращаясь к гувернантке, – она живое доказательство нашей мудрости: сырой воздух, долгая дорога, позднее возвращение, в результате бледный вид! Я совершенно уверена, дорогая, что у тебя болит голова.

Нора улыбнулась, а потом покачала головой:

– Совсем чуть-чуть, по крайней мере я не жалею, что побывала на концерте.

Девушка подошла к окну. Сад и луга терялись в дождевой дымке, отдаленные фермерские дома и скалы (в Сомерсете их называют Гребень) были едва различимы. Но фигура мистера Ванстоуна, возвращающегося с прогулки, была уже хорошо видна. Он заметил старшую дочь в окне и помахал ей. Она радостно ответила – впрочем, жесты ее отличались старомодной сдержанностью, странной для столь юной женщины.

Когда стрелки часов показали, что время завтрака пришло пять минут назад, наверху хлопнула дверь – и звонкий голосок прозвучал одновременно с быстрыми шагами. Младшая сестра спускалась почти бегом. Она появилась, словно вспышка света, перепрыгнув последние три ступеньки, и присоединилась к остальной семье.

По странной причуде природы младшее дитя мистера Ванстоуна не походило ни на одного из родителей, которые не раз удивлялись этому, пока девочка росла. Волосы у нее были светло-русыми, при определенном освещении они отливали золотисто-рыжим тоном. Мягкие и густые, они волнами ниспадали по сторонам лица. Брови и ресницы ее были темнее волос, а глаза фиалково-синего цвета обладали неоспоримым очарованием – особенно в сочетании с прелестной светлой кожей. Однако придирчивый наблюдатель мог бы заметить, что глаза стали бы эффектнее, если бы цвет их был чуть темнее. Трудно скрывать тончайшую игру чувств, обладая столь светлыми очами, отражающими малейшие душевные движения. Черты девушки были гармоничными и нежными, щеки округлыми, но рот слишком твердым и решительным для юного создания, а подбородок – массивнее, чем необходимо для ее возраста и пола. Отсутствие румянца свидетельствовало о физическом истощении или беспокойстве ума.

Ее выражение лица демонстрировало противоречивость натуры. Одна эмоция слишком быстро сменяла другую. Она была выше старшей сестры, выше большинства женщин, и обладала соблазнительной, кошачьей гибкостью тела – крепкого и хорошо развитого для восемнадцатилетней особы. Ей можно было дать не меньше двадцати, и она буквально искрилась энергией. Выбор одежды соответствовал ее характеру: яркое платье в полоску, множество лент, алые розетки на туфельках... она напоминала выросшего, но не повзрослевшего ребенка.

Как нередко говорила мисс Гарт: «Магдален от рождения обладает всеми чувствами, кроме чувства порядка».

Магдален! Довольно странный выбор имени был сделан при весьма необычных обстоятельствах. Такое имя носила одна из сестер мистера Ванстоуна – она умерла юной, и в память о ней любящий брат назвал младшую дочь. Старшая, Нора, удостоилась имени своей матери. Магдален... библейское, величественное имя, вызывающее воспоминания о покаянии и уединении. Едва ли можно было найти нечто столь не подходящее к ее характеру.

– Ты снова опоздала! – заметила миссис Ванстоун, когда младшая дочь поцеловала ее.

– Снова опоздала, – с упреком повторила мисс Гарт. – Ну, и как концерт? – спросила она, по-свойски взяв девушку за подбородок, выдавая нежно-насмешливым жестом, что именно младшая воспитанница была ее любимицей. – Ты не заболела?

– Заболела! – повторила Магдален. – Не знаю, что означает это слово. По крайней мере, я в полном порядке. Да я могу и сегодня отправиться на концерт, а завтра на бал, а потом в театр. О, как же я люблю развлечения! – воскликнула девушка.

– Ты не знаешь меры, – улыбнулась мисс Гарт.

– Ну что же – все собрались, можно садиться за стол, – сказала миссис Ванстоун.

– Здравствуй, папа, – Магдален обняла отца – быстро и весело. – Мисс Гарт говорит, что я не знаю меры, но я и вправду хочу снова на концерт – или в театр, как ты решишь. Или на бал, если предпочитаешь. Я готова к любым развлечениям, лишь бы надеть новое платье, оказаться в обществе, чтобы было много света и радости, чтобы все вокруг вращалось и крутилось. Только не посылайте нас спать в одиннадцать часов!

Мистер Ванстоун с доброй улыбкой слушал щебетание дочери, он давно привык к ее оживленной манере поведения.

– Если бы я сам выбирал способ развлечения, – произнес достойный джентльмен, – я бы предпочел спектакль. Девочкам концерт понравился больше, чем мне, – он обратился к жене. – Одна музыкальная пьеса тянулась минут сорок. Три раза музыканты останавливались, и мы думали, что это финал, аплодировали, но музыка продолжалась. Я уже пришел в отчаяние. Нора, дитя мое! Как называется это длинное произведение с тремя антрактами?

– Симфония, папа, – ответила Нора.

– Папочка, ты просто варвар, это же была симфония великого Бетховена! – рассмеялась Магдален. – Как только можно было скучать? Помнишь ту иностранку с желтым лицом и непроизносимым именем? Помнишь, как она пела? Она так представляла все эмоции, мама, мисс Гарт, это было просто чудо!

С этими словами он схватила со стола тарелку, словно это был нотный лист, приняла позу концертной певицы и стала изображать ее жесты и гримасы – вероятно, близко к оригиналу, потому что мистер Ванстоун не удержался от смеха. Лакей, который как раз вошел в комнату с почтой, растерялся при виде странной сцены.

– Папа, принесли письма, скорее давай мне ключ, – Магдален забрала у слуги закрытую сумку и уселась с решимостью, граничащей с грубостью.

Мистер Ванстоун пошарил в карманах, а потом покачал головой.

– Оставил ключ в библиотеке, вместе с остальными, пойді принеси его, милая.

– Дорогой, ты должен научить Магдален сдержанности, – сказала миссис Ванстоун, когда младшая дочь покинула комнату. – Эта ее привычка всех передразнивать... И с тобой она говорит с таким легкомыслием, оно меня просто шокирует.

– Я уже устала твердить это, – поддержала ее мисс Гарт. – Она обращается с мистером Ванстоуном, словно он ее младший брат.

– Папа, ты всегда очень добр к нам, а Магдален – у нее такой сильный характер, – решилась высказать мнение Нора, поддерживая отца.

– Спасибо, дорогая, – добродушно отозвался мистер Ванстоун. – Что касается Магдален, она бойкая девчушка. Дайте ей подрасти и повзрослеть. Время обуздает ее нрав.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Магдален с ключом от почтовой сумки в руках. Она поспешила открыть замок и высыпала письма грудой на стол. Меньше чем за минуту она их рассортировала и с деловитостью опытного почтальона раздала адресатам.

– Два для Норы, три для мисс Гарт, для мамы ни одного, мне одно, а вот папе целых шесть! Ты же терпеть не можешь отвечать на письма, старый лентяй, – со смехом воскликнула девушка, передавая письма отцу. – Ты будешь ворчать у себя в кабинете, когда придется писать всем послания. Папа, открывается Бристольский театр! – она наклонилась к самому уху отца и прошептала: – Я видела объявление в газете, когда ходила в библиотеку за ключом. Давай поедем туда завтра вечером!

Под болтовню дочки мистер Ванстоун механически разобрал письма. Первые четыре он распределил в какой-то своей последовательности, прочитав адреса, пятое внезапно привлекло его внимание, и он задержался, разглядывая его. Магдален замерла и заглянула ему через плечо, а потом прочитала вслух:

– Новый Орлеан. Это же письмо из Америки, папа. Разве у тебя есть знакомые в Новом Орлеане?

Миссис Ванстоун пристально взглянула на мужа, услышав эти слова Магдален. Но мистер Ванстоун ничего не сказал. Он медленно снял с шеи руку дочери, словно хотел показать ей, что не нуждается во вмешательстве. Магдален заняла свое место за столом. Ее отец, с письмом в руке, ненадолго замешкался, как будто он был не уверен, стоит ли открывать конверт. Супруга

не сводила с него взгляда, и ее напряженное внимание не ускользнуло не только от мисс Гарт и Нора, но даже от легкомысленной Магдален.

После минутного колебания мистер Ванстоун все же распечатал письмо.

Едва он прочитал первые строки, лицо его резко изменило цвет: щеки побелели, на скулах проступила болезненная желтизна, трудно ожидать такую перемену в облике цветущего человека; лицо мистера Ванстоуна было опечаленным. Нора и Магдален с удивлением и любопытством смотрели на отца, но молчали – их смутила его непривычная реакция. Но только мисс Гарт заметила, что и хозяйка дома реагировала необычным образом.

Миссис Ванстоун казалась не встревоженной, а взволнованной и даже возбужденной. На щеках ее вспыхнул румянец, глаза ярко сверкали, она быстро разлила чай по чашкам – хотя торопливость никогда не была ей свойственна.

Естественно, паузу прервала Магдален, как балованное дитя, она не могла утерпеть долго.

– В чем дело, папа? – спросила она.

– Ничего особенного, – ответил мистер Ванстоун довольно резко, не глядя на дочь.

– Я уверена, что все не так просто, – настаивала Магдален. – Уверена, что ты получил плохие новости, папа, в этом американском письме.

– В нем ничего такого, что касалось бы тебя, – ответил отец.

Это была первая отповедь, полученная Магдален от любящего папочки. Она поверить не могла! Это могло бы показаться нелепым и невозможным при обычных обстоятельствах.

Но больше отец ничего не сказал. Впервые семья завтракала в напряженном молчании. У мистера Ванстоуна не было привычного здорового аппетита, он рассеянно съел сухой тост, запил его чашкой чая, затем попросил налить вторую, но она осталась нетронутой.

– Нора, – заговорил мистер Ванстоун после затянувшейся паузы, – не стоит ждать меня. Магдален, дорогая, можешь ступить к себе, когда пожелаешь.

Девушки встали из-за стола, а мисс Гарт последовала за ними. При всем добродушии мистер Ванстоун был человеком серьезным, и семья знала, что его слово для всех закон.

– Что могло случиться? – прошептала Нора, когда двери комнаты закрылись и девушки оказались в холле.

– Что заставило папу быть таким суровым? – недоумевала Магдален, погруженная в собственную обиду.

– Могу я поинтересоваться: какое право у вас вмешиваться в частные дела вашего отца? – с упреком спросила мисс Гарт.

– Право? – повторила Магдален. – У меня нет секретов от папы – откуда у него вдруг секреты от меня?! Я просто возмущена.

– Если вы всерьез задумаетесь, то поймете, что некрасиво проявлять чрезмерное любопытство, – хладнокровно заметила мисс Гарт. – Ах, как вы похожи на современных девушек! Едва ли одна из сотни знает теперь границы приличий.

Гувернантка и ее подопечные вошли в гостиную, где женщины обычно проводили время по утрам, и Магдален продемонстрировала отношение к упрекам мисс Гарт, яростно хлопнув дверью.

Прошло полчаса, но ни мистер Ванстоун, ни его жена так и не покинули комнату для завтрака. Слуга, не имевший понятия о происходящем, вошел к ним, чтобы убрать со стола, но застал хозяев погруженными в серьезный разговор – так что немедленно ретировался. Еще четверть часа – и наконец дверь открылась, уединенное совещание супругов подошло к концу.

– Я слышу мамин голос в холле, – оживилась Нора. – Вероятно, она сейчас зайдет к нам и что-то расскажет.

Миссис Ванстоун и вправду вошла в гостиную. Щеки ее горели румянцем, в глазах блестели слезы, шаги были необычно торопливыми. Вообще, все ее движения отличались теперь странной резкостью и порывистостью.

– У меня новости для вас, дорогие. Вы будете удивлены, – заговорила она. – Мы с вашим отцом завтра отправляемся в Лондон.

Магдален схватила мать за руку в безмолвном изумлении. Мисс Гарт отложила рукоделие. Даже спокойная Нора встала, пораженная известием, и повторила за матерью:

– Отправляйтесь в Лондон!

– Без нас? – ахнула Магдален.

– Мы с отцом поедem одни, – твердо ответила миссис Ванстоун. – Вероятно, нас не будет недели три, но не больше. Мы едем... – она поколебалась, прежде чем продолжить: – Мы едем по важному семейному делу. Отпусти меня, Магдален. Это внезапно, но очень важно, мне сегодня надо многое успеть устроить до отъезда. Ну, полно, милая, не огорчайся.

Миссис Ванстоун высвободила руку, торопливо поцеловала младшую дочку в лоб и покинула гостиную. Даже Магдален поняла, что в этот момент не стоит беспокоить мать лишними вопросами.

Утро все тянулось, но мистера Ванстоуна больше никто не видел. Природное любопытство побуждало Магдален, вопреки упрекам и рекомендациям мисс Гарт и явному неодобрению сестры, пойти в кабинет отца и поискать его там. Когда она потянула на себя дверь, выяснилось, что та была заперта. Магдален пыталась позвать его, но из-за двери раздалось:

– Я занят, дорогая, не отвлекай меня.

Однако найти миссис Ванстоун не составляло труда. Она сидела у себя в комнате, вокруг сустились служанки, которым она раздавала поручения, связанные со сборами в дорогу. Прислуга в доме не была приучена к внезапным переменам и странным заданиям, так что горничные вели себя довольно бестолково и часто ошибались. Они бегали из комнаты в комнату без лишней необходимости, теряли время и доводили хозяйку до отчаяния. Если бы в этот момент в доме оказался посторонний человек, он мог бы вообразить, что тут случилось ужасное несчастье – по крайней мере, он едва ли заподозрил бы, что поводом для суматохи была всего лишь поездка в Лондон. Все летело вверх тормашками. Магдален, обычно по утрам занимавшаяся за фортепиано, бесцельно бродила по лестницам и коридорам, периодически выходила на улицу, когда дождь прекращался, но вскоре возвращалась промокшая. Нора, чье пристрастие к чтению в семье было всем известно, брала с полки то одну, то другую книгу, но все ставила назад, не способная сосредоточиться на какой-то одной. Даже мисс Гарт испытывала влияние всеобщего расстройста стабильного семейного уклада и, хотя оставалась у очага в гостиной, то и дело опускала рукоделие на колени и надолго задумывалась.

«Какие еще семейные дела?» – размышляла она, вспоминая слова миссис Ванстоун. Мисс Гарт двенадцать лет прожила в Ком-Рейвене и впервые услышала о каких-либо загадочных семейных делах, которые могли бы послужить супружеским секретом Ванстоунов. Что все это означает? Грядут перемены? «Наверное, я старею, потому что совсем не рада переменам», – вздохнула гувернантка.

Глава II

На следующее утро, в десять часов, Нора и Магдален в одиночестве стояли в холле дома Ком-Рейвен, наблюдая за тем, как экипаж с их родителями отправляется к лондонскому поезду.

Вплоть до последней минуты обе сестры тщетно надеялись получить от отца или матери хоть какое-то объяснение таинственных «семейных дел», вскользь упомянутых накануне миссис Ванстоун. Но даже в ажиотаже перед отправлением, столь непривычном для безмятежного семейства, решимость мистера и миссис Ванстоун держать рот на замке была непреклонной. Они нежно попрощались с девушками, горячо обняли их и уехали, унося тайну с собой.

Когда смолк вдали шум экипажа, а сам он скрылся за поворотом дороги, сестры переглянулись – каждая по-своему переживала волнение и недоумение, ведь они впервые не понимали, что делают их родители и почему. Самообладание Норы побуждало ее замкнуться в молчании – она села прямо в холле и хмуро уставилась вдаль сквозь открытую парадную дверь. Темперамент Магдален не позволял ей ограничиться столь скупыми средствами выражения.

– Не знаю, что все это означает, но полагаю, нас обеих бессовестно водят за нос! – безапелляционно заявила она, плюхнувшись на стул рядом с сестрой, и тоже посмотрела сквозь дверь на открывавшийся перед ней участок подъездной дороги.

В холл из гостиной вышла мисс Гарт, быстро оценила ситуацию. Здравый смысл подсказал ей, что следует вмешаться и занять девушек чем угодно.

– Послушайте, если мы трое собираемся благополучно провести предстоящие дни в одиночестве, необходимо придерживаться заведенных в доме правил. Именно так поступают все разумные люди. Надо смириться с обстоятельствами, и я намерена подать вам пример. Я только что распорядилась приготовить нам отличный обед, его подадут в обычное время. Затем я планирую достать аптечку и заняться лечением кухарки: ее дурное самочувствие – явное свидетельство несварения желудка. Тем временем вы, Нора, дорогая, займетесь по традиции в библиотеке своими книгами, а вы, Магдален, прекратите завязывать в тысячу узлов свой платок и дадите другой труд пальцам, вернувшись к пианино. Обедаем в час дня, потом гуляем с собаками. Глядите веселей! Идем, оставьте свою мрачность.

Закончив увещевание, мисс Гарт препроводила Нору в библиотеку, отправила Магдален в гостиную, где стояло фортепиано, и твердым шагом пошла за аптечкой.

Решительная и вместе с тем непринужденно-шутливая манера позволяла ей легко управляться с подросшими дочерьми мистера Ванстоуна, несмотря на то, что обязанности гувернантки давно завершились. Нора уже много лет переросла период воспитания и обучения, да и Магдален успела завершить свое образование. Однако мисс Гарт слишком давно жила в доме, к ней все привыкли и привязались, так что никому и в голову не приходило распрощаться с ней. Она пару раз выражала готовность покинуть семью, которая в ней более не нуждалась, но встретила искренний протест, так что предпочла не настаивать, упоминая грядущий отъезд разве что в шутку. Она взялась за управление домашними делами, проявив здравый смысл и твердый характер, стала компаньонкой и собеседницей Норы, наставницей Магдален в музыкальных занятиях, находя возможность быть приятной и полезной всей семье.

К середине дня погода наладилась. В половине второго выглянуло солнце, и дамы вышли на прогулку с собаками. Они пересекли ручей, спустились по каменистой тропе между холмами и повернули налево, чтобы вернуться домой другой дорогой, через деревню Ком-Рейвен.

Когда показались вдали первые коттеджи, им встретился путник, пристально посмотревший на Магдален, а затем на Нору. Это был невысокий, одетый в черное джентльмен, совершенно незнакомый и непримечательный, так что дамы продолжили свой путь, мгновенно забыв о встречном.

Уже выходя из деревни на дорогу, которая напрямик вела к дому, Магдален удивила мисс Гарт, заявив, что тот незнакомец в черном обернулся, миновав их, а теперь следует за ними.

– Ему явно приглянулась Нора, – поддразнила сестру Магдален. – Так что я совершенно ни при чем.

Дамы были уже рядом с домом, так что преследование их не особенно смутило. Все же мисс Гарт в воротах оглянулась и, действительно, увидела, что незнакомец явно прибавил шагу и, вероятно, хочет завязать разговор, а потому она отослала девушек домой с собаками, а сама остановилась в воротах, чтобы понять, что происходит.

Приблизившись, незнакомец учтиво поклонился, снимая шляпу. Мисс Гарт решила, что это священник, оказавшийся в затруднительном положении. Шляпа его была с высокой тульей и креповой лентой, лицо бледное и длинное, изрытое пятнами давней ветрянки, а глаза оказались разного цвета: один желтовато-зеленый, а другой карий. Впрочем, взгляд незнакомца выдавал ум и живость. Седые волосы тщательно зачесаны на висках, щеки гладко выбриты, нос прямой и короткий, а губы тонкие и чуть кривившиеся в полуулыбке или усмешке. Белый галстук накрахмален, высокий ворот жестко стоит, плотно облекая шею и буквально подпирая подбородок. Невысокая фигура облачена во все черное, сюртук застегнут на все пуговицы, сдержанно приоткрываясь только выше уровня груди. На руках черные перчатки – мисс Гарт заметила, что на пальцах они были аккуратно заштопаны, а одежда явно поношена. Зонт в кожаном чехле, который, судя по состоянию, регулярно смазывали маслом, незнакомец использовал вместо трости. На вид мужчине было лет пятьдесят или больше, но походка оставалась пружинистой и молодой. Когда он заговорил, голос оказался низким и глубоким, а манера говорить свидетельствовала об образовании и хорошем воспитании.

– Полагаю, это резиденция мистера Ванстоуна? – спросил он, обводя дом и прилегающий участок широким жестом. – Я имею честь обращаться к члену его семьи?

– Да, – коротко ответила мисс Гарт. – Я гувернантка семьи Ванстоун.

– А те две леди, которых вы сопровождали, без сомнения, дочери мистера Ванстоуна? – продолжал он. – Старшая, темноволосая, чрезвычайно похожа на свою прекрасную мать. А младшая леди...

– Надо полагать, вы знакомы с миссис Ванстоун? – прервала его мисс Гарт, подумавшая, что незнакомец разговаривает слишком вольно.

Он поклонился еще раз и продолжил как ни в чем не бывало.

– Младшая леди похожа на отца, можно предполагать? Уверю вас, у нее удивительное лицо. При всем моем дружеском расположении к семье, я бы даже сказал: замечательное лицо. Обаятельное, выразительное, запоминающееся. Совсем не похожа ни на сестру, ни на мать. Без сомнения, копия отца?

Мисс Гарт вновь попыталась прервать поток слов незнакомца. Она сделала вывод, что он никогда не видел мистера Ванстоуна – иначе не высказал бы идею о сходстве с ним младшей дочери. Но насколько хорошо он знаком с миссис Ванстоун? Кто он? Что ему нужно?

– Вероятно, вы давний друг семьи, поскольку за последние годы я вас ни разу не встречала, – сказала мисс Гарт. – Что привело вас сюда? Вы хотели нанести визит миссис Ванстоун?

– Я был бы счастлив видеть ее, – уклончиво ответил незнакомец. – Как она поживает?

– Как обычно, – вежливость мисс Гарт стремительно иссякала.

– Она дома?

– Нет.

– Как скоро вернется?

– Они с мистером Ванстоуном уехали в Лондон.

Длинное лицо незнакомца еще больше вытянулось.

Карий глаз скоился, а зеленый последовал за ним после краткой паузы. Мужчина явно был в затруднении.

– И как скоро миссис Ванстоун вернется домой? – спросил он после паузы.

– Недели через три. Полагаю, вы задали уже достаточно вопросов, но не сочли нужным даже представиться. Если у вас есть поручение для миссис Ванстоун, я напишу ей с вечерней почтой.

– Тысяча благодарностей! Позвольте мне воспользоваться вашей любезностью!

Он совершенно проигнорировал почти раздраженный тон мисс Гарт – так, словно услышал только само предложение. Быстро подхватив зонт под мышку, он извлек из кармана старомодную, потрепанную записную книжку. В нее был вложен карандаш и карточка. Незнакомец на мгновение заколебался, а потом что-то быстро написал на карточке и протянул ее мисс Гарт.

– Буду глубоко обязан вам за честь вложить эту карточку в ваше письмо, – сказал он. – Не стану беспокоить дополнительным посланием. Мое имя вполне ясно скажет миссис Ванстоун о моем небольшом семейном деле и освежит ее память. Еще раз благодарю вас. Сегодня день приятных сюрпризов. Я нахожу сельскую местность здесь весьма приятной, я видел двух очаровательных дочерей миссис Ванстоун и имел честь беседовать с членом семьи мистера Ванстоуна. Я могу себя поздравить. Всего доброго.

Он снова приподнял высокую шляпу, сверкнул глазами, улыбнулся широко и жизнерадостно, а потом развернулся и пошел прочь, быстро направляясь в сторону деревни. Несколько мгновений – и вот он уже скрылся за поворотом.

Мисс Гарт смотрела на карточку в немом изумлении. Она прочитала написанные карандашом имя и адрес незнакомца, обликом напоминавшего священника:

«Капитан Редж. Почта, Бристоль».

Глава III

Вернувшись домой, мисс Гарт не стала скрывать крайне неблагоприятное мнение о незнакомце. Она рассчитывала получить указания от миссис Ванстоун и надеялась, что их оценка субъекта совпадает. Что ему понадобилось? Возможно, это какой-нибудь бедный родственник? Мисс Гарт спросила у девушек, не упоминала ли их мать имя капитана Реджа, но они тоже не слышали о нем. А говорила ли миссис Ванстоун о дальних и неблагополучных родственниках? Вовсе нет, она даже сказала как-то, что у нее не осталось никого из родных. И все же капитан Редж прямо упомянул «семейные дела». Что бы это означало? Ложь или очередную загадку в дополнение к той, что увлекла хозяев дома в Лондон?

Мисс Гарт даже задумалась, нет ли связи между «семейными делами» в Лондоне и теми, о которых говорил капитан Редж. Все эти мысли крутились в голове гувернантки, когда она вкладывала карточку незнакомца в конверт и запечатывала письмо к миссис Ванстоун.

Со следующей почтой пришел ответ.

Мисс Гарт всегда вставала первой из дам, она была уже в комнате для завтрака, когда принесли письмо. Естественно, ей не терпелось узнать, что скажет миссис Ванстоун. Распорядившись насчет чая, она поднялась к себе.

Письмо нельзя было назвать кратким. Сначала миссис Ванстоун внесла некоторую ясность по поводу капитана Реджа и причин его появления в Ком-Рейвене.

По словам миссис Ванстоун, ее мать была замужем дважды. Первым супругом был некий доктор Редж – вдовец с маленькими детьми, одним из которых является столь не по-военному выглядящий капитан, располагавший адресом «Почта. Бристоль». От доктора Реджа у матери миссис Ванстоун детей не было, а во втором браке родилась нынешняя хозяйка Ком-Рейвена. Миссис Ванстоун потеряла обоих родителей в раннем возрасте, а родня первого супруга матери быстро умирала – один человек за другим. Наконец, не осталось никого, кроме каких-то очень дальних кузенов, с которыми миссис Ванстоун не была знакома и не имела о них достоверных сведений.

Так имеет ли капитан Редж какие-либо родственные притязания?

Официально – никаких. В качестве сына первого мужа матери от предыдущего брака он не может быть включен даже в число отдаленных родственников. Миссис Ванстоун прямо заявила, что знает это, и не хотела бы принимать капитана Реджа. В крайнем случае она готова была проявить гостеприимство, однако не хотела беспокоить мистера Ванстоуна, а потому готова была оплатить все возможные расходы из своего кошелька. Оказывается, она не раз уже помогала капитану Реджу, при условии, что он не будет даже приближаться к дому ее мужа.

Миссис Ванстоун отмечала, что, насколько ей известно, на протяжении многих лет капитан жил за счет то одних, то других родственников ее покойной матери. С юных лет он проявлял немалые дарования в разных областях, но странным образом терпел неудачи во всех начинаниях и стал причиной разочарования семьи. Его изгнали из армии, не раз увольняли с должностей. Он едва сводил концы с концами, не располагая собственными средствами. Женился он на бедной и невежественной женщине, служившей официанткой в недорогом ресторане и получавшей жалкую зарплату. Небольшое наследство он быстро растратил. Короче говоря, капитан Редж был законченным неудачником, и миссис Ванстоун оказывала ему помощь исключительно по доброте душевной. Она также сообщала в письме, что сама написала уже по адресу, указанному на карточке, чтобы по возможности предотвратить его повторное появление в доме.

Все это свидетельствовало о слабости характера миссис Ванстоун, которой прежде мисс Гарт, близко знакомая с ней уже много лет, не замечала. Однако информация была вполне достаточная, ее вполне хватало, чтобы удовлетворить любопытство двух молодых леди.

Поэтому первая часть письма была воспринята мисс Гарт с облегчением. Совершенно другой оказалась вторая часть послания, касавшаяся лондонской поездки.

Миссис Ванстоун начала с напоминания о долгой дружбе, связывавшей ее с мисс Гарт и дававшей основание быть откровенной. Вероятно, мисс Гарт была удивлена внезапным отъездом, писала миссис Ванстоун, тем более что «семейные дела» могли быть только у мистера Ванстоуна – ведь сама она родственников более не имела.

Излагать суть этих дел миссис Ванстоун не считала возможным, пока все не приведет в порядок. А сама она решила сопровождать мужа в Лондон, чтобы посетить знаменитого доктора и проконсультироваться по деликатной медицинской теме. Так что вся срочность связана лишь с вероятностью, что ей вновь предстоит стать матерью.

Сперва она подумала, что ошибается в своих подозрениях: со времени рождения последнего, покойного ныне ребенка, прошло несколько лет, а состояние здоровья не внушало надежд на новую беременность, однако все свидетельствовало о зарождении новой жизни. При сложившихся обстоятельствах миссис Ванстоун сочла разумным посоветоваться с ведущим специалистом, вместе с тем избавив дочерей от волнений – неизбежных, если бы она пригласила лондонского врача к себе в имение. Теперь она могла твердо сказать, что ее предположения подтвердились, она вновь ждет ребенка к концу лета, но в ее возрасте и с учетом прочих обстоятельств беременность внушает серьезные опасения. Доктор ободрил ее, но сомнения и тревоги ее не покидают.

Миссис Ванстоун просила хранить пока эту информацию в секрете. Сама она поделилась с мисс Гарт, только получив подтверждение от врача, но дочерям намеревалась рассказать обо всем сама, ближе к лету. А пока достаточно сказать им, что родители вернутся двадцать третьего числа – мистер Ванстоун уверен, что к этому времени завершит дела, и они смогут спокойно отправиться домой. После этого известия следовала краткая прощальная фраза – и письмо довольно внезапно завершалось.

Первой реакцией мисс Гарт было сочувствие миссис Ванстоун и естественное волнение за нее. Однако затем гувернантка обратилась мыслями к другим вопросам, смущавшим и огорчавшим ее. Было ли объяснение в письме исчерпывающим? Тщательное размышление привело ее к выводу, что миссис Ванстоун слишком о многом недоговаривает.

В утро отъезда миссис Ванстоун покидала дом в самом бодром настроении. В ее возрасте и с учетом состояния здоровья, на которое она ссылалась, могла ли она быть так спокойна накануне встречи с доктором? И что означало письмо из Нового Орлеана, послужившее толчком к внезапной перемене обстоятельств и причиной поездки в Лондон мистера Ванстоуна? И почему его супруга так взволновалась, услышав только название американского города? Нет, определенно тут было еще немало тайн.

Выводы были неутешительными. Хотя миссис Ванстоун и говорила в письме о давней дружбе с мисс Гарт, ее откровенность была далеко не полной. Прямая и искренняя, мисс Гарт испытывала недоумение: испытанию подвергалось ее безоговорочное доверие и душевное расположение к хозяйке дома, сердце сжимала неясная тревога.

Она положила письмо в ящик стола, заперла его и вернулась к текущим делам, спустившись обратно в комнату для завтрака. Мистер и миссис Ванстоун возвращаются двадцать третьего. Кто знает, какие новые открытия и перемены ожидают всех домочадцев?

Глава IV

Однако откровений не последовало. Запретная тема «семейных дел» в Лондоне не получила никаких разъяснений со стороны мистера или миссис Ванстоун. Впрочем, вид у них был вполне довольный – оба супруга казались спокойными и непринужденными в манерах. Миссис Ванстоун была такой же безмятежной, как обычно, а ее муж был воплощением жизнелюбия и ленивой грации. Останется ли тайна американского письма и последующего путешествия в столицу навеки погребенной?

Но ничто в мире не остается тайной навсегда. Даже зарытые в землю клады рано или поздно выходят на поверхность. Земля хранит следы шагов предателя, вода выносит на берег тело утопленника. Даже огонь выдает секреты в пепле. Потаенные чувства видны во взглядах и жестах. Неумолимый закон разоблачения принадлежит самой природе: чудо, если удастся долго хранить секрет.

Но как же вышла наружу тайна именина Ком-Рейвен? Какое событие разоблечило секрет и сыграло фатальную роль в жизни семьи? Пожалуй, первым шагом (не замеченным родителями и детьми) стало событие, случившееся вскоре после возвращения мистера и миссис Ванстоун, само по себе совершенно банальное и непримечательное.

Через три дня после приезда четы из Лондона женская часть семейства собралась в утренней гостиной. Из окон открывался вид на цветник и окружавшую его живую изгородь, за которой начиналась дорога. Внезапно внимание дам привлекли плетеные ворота – оттуда долетел до них скрип несмазанных петель. Магдален поспешила к окну и заметила фигуру человека, который шел за деревьями.

Несколько минут спустя джентльмен появился на открытом пространстве – он шел к дому по извилистой садовой тропинке. Магдален присмотрелась и издала удивленный возглас, а потом быстро обернулась к матери и сестре, объявив:

– Мистер Фрэнсис Клэр.

Это был сын старого друга и ближайшего соседа мистера Ванстоуна.

Старший мистер Клэр проживал в небольшом коттедже, расположенном неподалеку от живой изгороди, отмечавшей границу владений при особняке Ком-Рейвен. Младший отпрыск старинной фамилии, он унаследовал обширную библиотеку, собранную предками. Она заполняла все комнаты его скромного дома, выплескиваясь также на лестницы и в коридоры. Книги составляли главную ценность в жизни мистера Клэра. Он давно овдовел, однако к потере жены отнесся с философским спокойствием. Трех сыновей он воспринимал как неизбежное домашнее зло, отвлекавшее его от святости ученых трудов и блаженства чтения и угрожавшее безопасности его сокровищ. Проводив мальчиков в школу, он вздохнул с облегчением. На умеренный доход и минимальные расходы свои мистер Клэр взирал с равнодушной иронией. Он называл себя породистым нищим. Поручив заботы о доме единственной престарелой служанке, он потребовал, чтобы она даже не прикасалась к книгам, он сам стирал с них пыль, из года в год ухаживая за бесценной библиотекой. Любимыми его поэтами были Гораций и Поуп, а философами – Гоббс и Вольтер. Мистер Клэр с крайней неохотой выбирался на свежий воздух, ограничиваясь обычно прогулкой по двору и едва ли дальше ближнего участка дороги. С возрастом он стал невероятно сутулым и раздражительным. В питании он ограничивался редькой и зеленым чаем, а на человечество взирал, словно новый Диоген, начитавшийся сентенций Ларошфуко. Больше всего мистер Клэр любил высмеивать предрассудки.

Если и обладал он более благородными качествами, они оставались скрытыми от окружающих. Мистер Ванстоун утверждал, что «худшая сторона мистера Клэра всегда на поверхности», но он был единственным соседом, дружелюбно настроенным к стареющему библиофилу. Эти два совершенно разных человека многие годы сохраняли добрые отношения, которые

можно в каком-то смысле назвать дружбой. Они встречались вечерами, курили и вели беседы в духе киников на самые неожиданные темы. Обычно мистер Ванстоун выдвигал идею, а мистер Клэр подвергал ее ядовитым нападкам, и оба допоздна наслаждались спором, далеким от практических сторон жизни. В силу этой дружбы мистер Ванстоун питал искреннее расположение к сыновьям соседа, который считал, между прочим, особое пристрастие к собственным детям еще одним предрассудком и заблуждением человечества.

«Я смотрю на этих мальчиков совершенно беспристрастно», – заявлял доморощенный философ. Он утверждал, что они по уровню развития ниже среднего во всех отношениях, а в девятнадцатом веке у бедного джентльмена может быть только одно оправдание – выдающиеся способности. «Мои мальчики с младенчества туповаты, если бы я выбирал для них специальности, сделал бы Фрэнка мясником, Сесила пекарем, а Артура бакалейщиком. Денег для них у меня нет, а мозгами они не располагают. На мой взгляд. Это три заурядности в грязных сюртуках и скрипучей обуви. Если бы они сами не держались подальше отсюда, уж и не знаю, что бы я с ними сделал».

К счастью для отпрысков мистера Клэра, взгляды мистера Ванстоуна соответствовали «предрассудкам». При его участии Фрэнк, Сесил и Артур получили образование в приличной школе. Во время каникул они пользовались поддержкой и гостеприимством мистера Ванстоуна и его супруги, подружились с их дочерьми. Отец мальчиков иногда все же покидал свой коттедж (в домашнем халате и шлепанцах), чтобы взглянуть на сыновей за изгородью, во владениях соседа. «Вы с женой – исключительные люди, – говорил он потом мистеру Ванстоуну. – Уважаю ваши честные заблуждения, которые идут на пользу моим мальчикам. Но вы ужасно ошибаетесь на их счет, я ведь сужу непредвзято. Помяните мои слова, Ванстоун: все трое окажутся порченными экземплярами, как бы вы ни старались».

Когда Фрэнку исполнилось семнадцать лет, отношения между старыми друзьями осложнились. Некий инженер с севера Англии, выполнявший поручение мистера Ванстоуна, выразил желание взять юношу под покровительство. Мистер Клэр, как обычно, предоставил соседу выполнять отцовские функции. «Это отличный шанс для Фрэнка», – горячо утверждал мистер Ванстоун. «Друг мой, да никто мальчика не возьмет», – пожимал плечами мистер Клэр. «Но его уже берут на службу». Мистер Клэр вздохнул: «Говорите, парень соображает в математике и всякой там индустрии, говорите, у него есть честолюбие. Но вы не видите его так же непредвзято, как я. Да нет у него ни способностей, ни честолюбия! Ничего нет!»

«Не хочу слышать подобного! – восклицал мистер Ванстоун. – Фрэнк – блестящий юноша, и он сумеет отлично применить их». Мистер Клэр возразил, что и медяка бы не поставил на успех Фрэнка, зато даст целую гиней, что затея кончится провалом. Мистер Ванстоун ударил с ним по рукам – он давал пять к одному, что Фрэнк преуспеет в делах.

При таких обстоятельствах мистер Фрэнсис Клэр отправился на север Англии, чтобы учиться на инженера.

Время от времени мистер Ванстоун получал известия об успехах подопечного. Юноша проявлял способности, но слишком легко впадал в уныние. Несмотря на старания, инженерная профессия давалась ему тяжело. Затем Фрэнка направили на практическую работу в Бельгию в качестве помощника хорошего специалиста, там он, наконец, приобрел уверенность, преодолел чрезмерную застенчивость и стал быстро набирать квалификацию. Мистер Ванстоун регулярно делился сведениями о Фрэнке с его отцом, который по-прежнему взирал на будущее сына пессимистически.

Через два дня после возвращения мистера Ванстоуна из Лондона его оторвали от завтрака и просмотра корреспонденции по каким-то домашним делам, он встал, одним движением прихватив со стола конверты с не прочитанными еще письмами, засунул в карман, а позже случайно оставил там одно, лежавшее снизу. Так случилось, что это был финальный отчет того

инженера, что взялся обучать Фрэнка. Он сообщал, что их соглашение завершено, и юноша немедленно возвращается в отцовский дом.

Важное известие так и завалялось в кармане мистера Ванстоуна, а упомянутый юноша уже ехал поездом в родные края. В половине одиннадцатого вечера, когда мистер Клэр мирно читал книги, потягивая зеленый чай, а черный кот уютно свернулся рядом с ним, составляя единственную компанию, дверь открылась – и на пороге появился Фрэнк.

Обычный человек был бы удивлен, но философ и бровью не повел, словно Фрэнк отсутствовал три минуты, а не три года.

– Как я и предсказывал! – проворчал мистер Клэр. – Не прерывай меня объяснениями, не пугай кота. Можешь поискать еду на кухне и отправляться спать. Завтра сходи в Ком-Рейвен и передай послание от меня мистеру Ванстоуну. Пусть отдаст мне пять гиней в подтверждение того, что ты вернулся без всякого результата. Спокойной ночи.

Наутро юноша и вправду счел за лучшее нанести визит соседям.

Неудивительно, что Магдален не сразу узнала Фрэнка, который уехал в семнадцать, а вернулся взрослым молодым человеком двадцати лет. Он обрел силу и изящество, заметно подрос. Некрупные черты лица он унаследовал от матери. Бородка была еще юношеской, едва затрагивая щеки. Красивые карие глаза больше подошли бы женщине. Руки его беспокойно двигались, выдавая не вполне прошедшую застенчивость. Фрэнк был бесспорно красив, изящен и хорошо сложен.

Появление юноши в доме вызвало всеобщий переполох, стали искать и недостающее письмо – и отыскивали его в кармане домашнего жакета мистера Ванстоуна.

В письме инженера говорилось, что способности Фрэнка не вполне соответствуют избранной профессии, так что не стоит тратить время впустую. Таково мнение обеих сторон после трех лет обучения. Юноше разумнее вернуться домой. Однако за время учебы он проявил усердие и добрый нрав, так что многие люди на севере искренне желают ему успеха в других начинаниях.

Кто-то мог сделать вывод, что инженер просто старается смягчить приговор, не веря в будущее Фрэнка. Но мистер Ванстоун отличался оптимизмом и добротой. Кроме того, ему очень хотелось переубедить соседа, так что он не заметил неблагоприятного содержания письма. Разве вина Фрэнка, что инженерное дело – не его призвание? Разве не бывает, что юноши начинают с ложной попытки, а потом находят свою дорогу?

– Не печальтесь, мой юный друг! – он похлопал Фрэнка по плечу. – Мы еще покажем вашему отцу, хотя на этот раз он и выиграл пари.

Вся семья Ванстоун рада была приветствовать юношу. Исключение составляла Нора, хранившая обычную официальность манер и подчеркнутую сдержанность. Зато Магдален, в детстве особенно дружившая с Фрэнком, была в восторге. Если Нора называла гостя «мистер Клэр», младшая сестра звала его Фрэнком. Нору не тронул даже рассказ о суровом приеме юноши накануне вечером в отцовском доме. Она выслушала, не поднимая глаз, хотя на щеках ее и выступил румянец ярче обычного. Все, кроме нее, сочли поведение старого мистера Клэра возмутительным. В разгар беседы в гостиной появился слуга, объявивший о прибытии новых гостей: «Мистер Мэррабл, миссис Мэррабл и мисс Мэррабл, Эвергрин-лодж, Клифтон».

Нора с готовностью поднялась навстречу вновь прибывшим. За ней последовала миссис Ванстоун. Магдален осталась с отцом и Фрэнком, а мисс Гарт, поколебавшись, решила покинуть комнату. Фрэнк тоже встал, чтобы откланяться. Однако мистер Ванстоун удержал его. Он заверил, что мистер Мэррабл – купец из Бристоля, с которым он встречался пару раз в Клифтоне на приемах. Это лишь знакомый, вовсе не близкий друг. Вряд ли гости приехали надолго.

Мистер Ванстоун взял Фрэнка под руку, прошептав, что они ретируются в зимний зал, а присутствие юноши послужит свидетельством того, что хозяин занят и не может уделить внезапным гостям много времени. Минут десять два джентльмена тихо беседовали о пустяках,

а потом дверь распахнулась, и на пороге появилась яркая, как птичка, младшая дочь Ванстоунов, едва не опрокинувшая несколько горшков с цветами.

– Папа, сбылась мечта моей жизни! – воскликнула она. – Я просто взлететь готова! Мэрраблы прибыли с приглашением. Угадай: что будет в Эвергрин-лодж?

– Бал! – без колебаний ответил мистер Ванстоун.

– Домашний спектакль! – закричала Магдален, и звонкий девичий голос разнесся по зимнему саду, словно колокольчик. Она взмахнула руками, так что рукава распахнулись, обнажая белоснежную кожу. – Они будут ставить «Соперников» Шеридана, папа! И они хотят, чтобы я играла там роль! Это моя самая заветная мечта. Все теперь зависит от тебя. Мама качает головой, и мисс Гарт смотрит с ужасом, а у Норы, как всегда, кислый вид. Но если ты разрешишь, они все трое не станут возражать. Прошу, ну прошу тебя! – пролепетала она умоляющим тоном. – Да-да-да, ну папочка, ну пожалуйста, я буду хорошей девочкой всю оставшуюся жизнь.

– Хорошей девочкой? – повторил мистер Ванстоун. – Безумной девочкой, надо сказать. Ох уж эти Мэрраблы и их домашний театр! Пойдем разберемся, что происходит. Не бросайте сигару, Фрэнк, можете оставаться здесь.

– Нет, не может, – заявила Магдален. – Он тоже там нужен.

Мистер Фрэнсис Клэр скромно держался на заднем плане. Но теперь он сделал шаг вперед с выражением искреннего изумления на лице.

– Да, – решительно подтвердила Магдален. – Вы тоже будете играть в спектакле. Мисс Мэррабл и я уже поговорили об этом, мы за пять минут нашли общий язык. Надо было найти еще двух человек – на роль Люси, горничной, которую буду играть я, если папа позволит, он же не откажет, правда? – она состроила отцу милую гримаску. – Во-первых, потому что папа милый. Во-вторых, потому что я люблю его, а в-третьих, потому что у нас ведь никогда-никогда не бывает разногласий, да? И в-четвертых, потому что я его поцелую! Ах да, я отвлеклась, я хотела сказать Фрэнку...

– Прошу прощения, – перебил ее Фрэнк, тщетно поднимая руки в знак протеста.

– А вторая роль, – продолжала Магдален, не обращая внимания на его жест, – Фолкленд, ревнивый возлюбленный, у него ужасно много текста. Мы с мисс Мэррабл обсуждали роль Фолкленда, пока остальные разговаривали между собой. Она такая очаровательная! Такая импульсивная, чувствительная, такая искренняя! Она мне совершенно доверяет. Она сказала: «Беда в том, что мы никак не можем найти джентльмена, способного справиться с трудной ролью Фолкленда». И я ее тут же успокоила. Я заверила, что знаю такого! А она мне: «О небеса! Кто он?» Вот я и назвала вас. Она ужасно хочет поскорее увидеть вас. Я сразу прибежала сюда – я почувствовала запах сигар и угадала, где вы спрятались.

– Я понимаю, вы хотите сделать мне комплимент, – растерянно пробормотал Фрэнк, – но надеюсь, что вы с мисс Мэррабл извините меня...

– Конечно, нет. Мы с мисс Мэррабл обладаем удивительной твердостью характера. Вы определенно подходите на роль Фолкленда. Пойдемте, я вас представлю.

– Но я никогда даже не пробовал играть. Я не умею...

– Это не важно. Я вас всему научу.

– А ты-то откуда знаешь, как надо играть? – рассмеялся мистер Ванстоун.

– Папа, умоляю, будь серьезнее! Я совершенно убеждена, что могу сыграть любую роль в спектакле – даже Фолкленда. Фрэнк, не заставляйте меня повторять. Идем, я вас представлю.

Она взяла отца за руку и потянула его к двери из зимнего сада в дом. Потом обернулась к Фрэнку, жестом призывая его следовать за ними. Решимость в сочетании с красотой действовали, девушка была в этот момент просто очаровательна – с румянцем на щеках, сияющими глазами, живостью юности и необычайной грацией движений. Немногие из муж-

чин постарше сумели бы устоять перед ней, а Фрэнку едва исполнилось двадцать. Словом, он оставил сигару и последовал за Магдален из зимнего сада в гостиную.

Закрывая дверь сада, на мгновение потеряв ее из виду, он вспомнил, что не намерен был участвовать в спектакле. Перед лестницей Фрэнк помедлил, сорвал веточку ближайшего растения, покрутил в руке. Налево дверь вела наружу, к отцовскому коттеджу и бегству. Может, воспользоваться этим шансом?

Но тут мистер Ванстоун и его младшая дочь остановились на верхней площадке, Магдален посмотрела на юношу – и он забыл о намерении сбежать и последовал за ее улыбкой.

Так заурядный визит знакомых и их намерение устроить домашний спектакль сыграли свою роль в развитии событий. И хотя секрет лондонской поездки все еще оставался скрытым, ему предстояло быть раскрытым и сыграть мрачную роль в нашей истории.

Глава V

Мистер Ванстоун попытался расспросить подробнее о планируемом спектакле в Эвергрин-лодж, в ответ на него обрушилось описание настоящей домашней катастрофы, в которой мисс Мэррабл воплощала саму невинность, а ее родители исполняли роль главных жертв.

Мисс Мэррабл была тираном самого распространенного типа – единственным ребенком в семье. Она не получала юридического права терроризировать отца и мать, но с момента, когда у нее стал резаться первый зуб, право это неизменно применялось на практике. Теперь приближался семнадцатый день ее рождения, и в свою честь она решила устроить спектакль. Родители не смели перечить. Миссис Мэррабл готова была пожертвовать гостиной для устройства сцены и зала. Мистер Мэррабл взялся собрать группу достойных молодых леди и джентльменов, согласных взять на себя исполнение ролей. Он же отвечал за преодоление неизбежного хаоса. Семья уже не сопротивлялась тому, что в процессе подготовки спектакля ломали мебель, портили стены, а дом наполняли странные звуки: пронзительные возгласы, хлопанье дверей, топот шагов, беготня по лестницам и коридорам. Но самой трудной задачей оказался подбор актеров-любителей.

«Соперников» выбрала мисс Мэррабл, которой захотелось сыграть роль Лидии Лэнгвиш. Один из ее поклонников согласился представить Капитана Абсолюта, а другой парень без возражений взялся за роль сэра Люциуса О’Триггера. Одна из родственниц – старая дева с богатым воображением – взяла роль миссис Малапроп, и начались репетиции. Однако оставалось еще девять персонажей, и тут начались трудности с подбором актеров.

Друзья семьи вдруг оказались людьми, на которых нельзя положиться. Впервые в жизни! Сначала они одобряли идею поставить спектакль, но один за другим отказывались принести себя в жертву. Другие соглашались сыграть роль, но затем не учили текст и не появлялись на репетициях, или им не нравился предложенный персонаж, или внезапно заболели, или у них объявлялись родственники-пуритане, приходившие в ужас от самого факта их участия в театральном действе. А рабочие тем временем всюду трудились над постройкой сцены, по всему дому разносился стук молотков. Мисс Мэррабл была на грани истерики, семейный доктор был встревожен ее состоянием, так что родители взялись за поиск соучастников. В отчаянии приглашали восемнадцатилетнего парня на роль сэра Энтони Абсолюта, джентльмена почтенного возраста, в расчете на театральный грим, способный прибавить лет. Корпулентная леди неопределенного возраста с вечно юным сердцем взялась за роль сентиментальной Джулии. Благодаря усилиям мистера и миссис Мэррабл все вакансии, наконец, были заполнены. Осталось лишь два персонажа: горничная Люси и ревнивый возлюбленный Джулии по имени Фолкленд. Джентльмены приходили, видели «Джулию», ее объемистые формы и странный парик, на котором исполнительница настаивала, делали комплименты, извинялись и ретировались. Леди читали роль Люси, отмечали привлекательность персонажа в первой части спектакля, но затем были разочарованы тем, что роль сходила на нет, в то время как у всех остальных участников оставался шанс показать себя во всей красе. Они вздыхали и вежливо отказывались. Оставалось восемь дней до представления, вложено было много сил и средств, и отсутствие двух персонажей становилось катастрофой. Рассказав эту печальную историю, Мэрраблы признались, что визит в Ком-Рейвен – последняя надежда найти «Люси» и «Фолкленда».

Жалобы гостей тронули сердца и пылкой Магдален, и ее сердобольного отца.

Не обращая внимания на реакцию жены и мисс Гарт, мистер Ванстоун не только разрешил Магдален участие в спектакле, но и предложил свои услуги, а также помощь Норы. Миссис Ванстоун поспешила отказаться, сославшись на слабое здоровье, а мисс Гарт оказалась единственной, кому никто ничего не предлагал. Роли Люси и Фолкленда были немедленно вручены предполагаемым актерам. Фрэнк слабо возражал, но его даже слушать не стали. Мэр-

раблы составили расписание репетиций на все оставшиеся дни и удалились, громко выражая благодарность.

– Если сегодня появятся еще какие-нибудь гости, скажите, что меня нет дома, – торжественно заявила Магдален, когда укатил экипаж Мэрраблов. – Все гораздо серьезнее, чем можно подумать. Ступайте к себе, Фрэнк, учите роль, старайтесь не отвлекаться. Я сегодня буду занята до самого вечера. Но если вы зайдете к нам на чай – с папиного разрешения, конечно, – я смогу высказать вам свое мнение о роли Фолкленда. Томас! Почему этот садовник снова шумит под моим окном?

Я останусь у себя – и чем тише будет в доме, тем больше я буду всем вам благодарна.

Прежде чем успела возмутиться мисс Гарт, прежде чем рассмеялась миссис Ванстоун, Магдален сделала поклон и с самым серьезным видом удалилась – впервые поднявшись по лестнице степенно, а не бегом. Растерянность Фрэнка добавляла сцене особую абсурдность. Он переминался с ноги на ногу, вопросительно глядя на окружающих.

– Я уверен, что не смогу, – заговорил он наконец. – Может, я загляну после чая и выслушаю Магдален? Спасибо, около восьми. Только не говорите моему отцу об этом спектакле, прошу вас.

С этими словами он склонил голову и побрел в сторону прохода в живой изгороди, самый беспомощный Фолкленд на свете.

С уходом Фрэнка семья осталась в одиночестве, и тут на мистера Ванстоуна посыпался град упреков.

– О чем только ты думал, Эндрю, давая согласие? – воскликнула миссис Ванстоун. – Неужели мое молчание не было достаточно красноречивым «нет»?

– Это ошибка, мистер Ванстоун, – заметила мисс Гарт. – Вы действовали из лучших побуждений, но все же это ошибка.

– Возможно, это ошибка, – вступилась за отца Нора, – но я не понимаю, как папа или кто-то другой смог бы отказаться при сложившихся обстоятельствах.

– Ты права, дорогая, – вздохнул мистер Ванстоун. – Обстоятельства были против меня. Мы не могли отказать этим людям в помощи, а Магдален так сильно хотела играть в спектакле. Разве я мог начать читать мораль? Мэрраблы вполне почтенные люди, у них собирается лучшее общество в Клифтоне. Какой от этого вред? Если играет мисс Мэррабл, почему нельзя Магдален? Пусть развлекаются!

Защитившись таким образом, мистер Ванстоун ушел в зимний сад выкурить сигару.

– Я не стала говорить папе, но единственная опасность – возможность чрезмерного сближения Магдален и Фрэнсиса Клэра, – произнесла Нора, обращаясь к матери.

– Ты несправедлива к Фрэнку, милая, – ответила миссис Ванстоун.

Нора опустила глаза и замолчала. Она не изменила мнения, но не хотела спорить. Она умела проявлять сдержанность, и в этом всегда была ее сила.

– О чем вы сейчас думаете? – поинтересовалась мисс Гарт, пристально всматриваясь в лицо Нору. – Если у Магдален любая мысль написана на лице, вы слишком скрытны, Нора.

Время клонилось к вечеру, а Магдален все еще не выходила из комнаты. Ни болтовни, ни беготни, ни частых визитов на кухню. Вся семья была в растерянности. Мисс Гарт решила, наконец, подняться наверх, дважды постучала в дверь и вошла, получив разрешение.

Магдален сидела в кресле перед зеркалом, волосы ее были рассыпаны по плечам. Девушка погрузилась в пьесу, явно забыв обо всем на свете. Ставни были прикрыты, и яркий солнечный свет проникал сквозь небольшие отверстия, так что в комнате царил таинственный полумрак, горничная расчесывала длинные волосы девушки. Балдахин над кроватью был подхвачен красными лентами, контрастировавшими с белизной постели. Весело раскрашенная ванна с белоснежной эмалью внутри, масса флаконов на туалетном столике, серебряный колокольчик с ручкой в форме купидона – все это придавало обстановке атмосферу роскоши

и изыска. Спокойствие и очарование сцены, нежный аромат цветов и парфюмерии, красота Магдален, погруженной в чтение, ритмичные движения рук горничной завораживали. Яркий свет, оживление оставались где-то вдали, за границей двери.

Мисс Гарт невольно замерла на пороге и залюбовалась.

Магдален обожала, когда ей расчесывали волосы, это знали все в доме. Отец часто подшучивал над этим, сравнивая дочь с кошкой, которая любит, когда ее гладят, а она мурлыкает. При всей экстравагантности сравнения оно было не лишено смысла. В девушке было нечто кошачье – вероятно, чувственность и грация, стремление привлекать внимание и получать удовольствие от жизни.

– Вы давно тут? – спросила гувернантка у горничной.

– Весь день, мисс, – рассеянно ответила служанка. – Мисс Магдален говорит, что это успокаивает ее и обостряет чувства и мысли.

Мисс Гарт поняла, что подопечную сейчас лучше не беспокоить, и покинула комнату. Спускаясь по лестнице, она невольно улыбалась, размышляя, как непросто придется будущему мужу Магдален.

За ужином Магдален оставалась задумчивой. Обычно ее аппетит мог бы напугать сентиментального наблюдателя, ожидающего от девушки томной нежности. Но на этот раз она отказывалась от одного блюда за другим с непривычным мужеством современной мученицы, готовой на все ради стройности.

– Я разобралась с частью роли Люси, – произнесла она торжественно. – Теперь главная задача – чтобы Фрэнк понял роль Фолкленда. Не вижу поводов для смеха, это очень серьезный вопрос, он требует ответственности. Нет, папа, сегодня никакого вина, спасибо. Мой разум должен быть ясным. Воды, Томас, и немного желе – полагаю, этого будет достаточно.

Когда вечером пришел Фрэнк, Магдален взяла его за руку, словно учительница средних лет маленького мальчика. Несмотря на попытки юноши заговорить на другие темы, она решительно придерживалась сурового практицизма и была чрезвычайно сосредоточена на пьесе. Она уверенно вводила Фрэнка в курс дела, объясняла ему содержание и характер роли. Тем временем отец заснул в кресле, миссис Ванстоун и мисс Гарт быстро потеряли интерес к занятиям новоявленных актеров и погрузились в тихую беседу между собой. Становилось все позднее, а Магдален не останавливалась. Лицо Норы отражало крайнее неудовольствие, когда она смотрела на сестру и Фрэнка, сидевших рядышком и объединенных общим интересом. Лишь в половине двенадцатого ночи «Люси» оставила в покое «Фолкленда», отпустив его спать.

– Она удивительно умна, – произнес потрясенный Фрэнк, обращаясь к миссис Ванстоун уже на пороге гостиной. – Я приду завтра и еще выслушаю ее, если не возражаете. Я никогда не участвовал в спектаклях, я ведь сразу говорил. Я все время что-то путаю и забываю. Ужасно, правда? Доброй ночи.

Через день состоялась первая настоящая репетиция. Накануне вечером миссис Ванстоун была подавлена, в разговоре с мисс Гарт она сослалась на то, о чем уже упоминала в письме из Лондона: она упрекала себя за слабость в отношении капитана Реджа, которому позволяла постоянно напоминать ей о некоем подобии родства. Жаловалась она и на здоровье, смутно намекала на перемены, ожидавшие ее летом, причем самым тревожным тоном. Мисс Гарт тщетно пыталась развлечь хозяйку дома, а потому поспешила сменить тему разговора, вернувшись к театральному представлению. Мисс Гарт заверила, что готова сопровождать Магдален на все репетиции и не выпускать ее из поля зрения за пределами отцовского дома. Так что утром Фрэнка встречала мисс Гарт, настроенная исполнять роль неусыпного Аргуса рядом с Люси и Фолклендом. Они вместе отправились в Эвергрин-лодж, и в час началась репетиция.

Глава VI

– Надеюсь, мисс Ванстоун выучила свою роль? – прошептала миссис Мэррабл, чуть склонившись к мисс Гарт, обе они сидели в уголке импровизированного театрального зала.

– Если грация и обаяние делают актрисой, мадам, Магдален всех удивит, – ответила мисс Гарт.

Режиссер с книгой в руке стоял прямо перед сценой. Это был деятельный человечек с жизнерадостным характером. Он дал знак начинать, словно не было прежде трудностей, а впереди не может возникнуть никаких проблем. Спектакль открывали два комических персонажа – Работяга и Кучер. Они были слишком высокими для задника сцены, изображавшего «Улицу в Бате». Оба плохо владели руками и ногами, так как оставались слишком скованными и неуверенными, однако их сцена заслужила полное одобрение собравшихся, искренне смеявшихся над эпизодом.

– Тишина, джентльмены, прошу вас, – упрекнул их режиссер. – Громко говорить надо на сцене, а не в зале. Мисс Мэрабл готова? Мисс Ванстоун? Осторожнее с задником! Смотрите в эту сторону, мисс Мэрабл, прямо в зал, если можно. Мисс Ванстоун, – внезапно он замер. – Любопытно, она сама правильно развернулась к публике, – пробормотал он себе под нос.

Сцену открывали слова Люси:

– В самом деле, мэм, я полгорода прошла в поисках. Не может быть в Бате передвижной библиотеки, которую я еще не посетила.

Режиссер взволнованно заерзал в кресле.

– Поверить не могу! Она говорит без подсказки!

Тем временем диалог продолжался. Люси сообщала мисс Лидии Лэнгвиш, что принесла частное чтение – и извлекала книгу из-под пальто. Режиссер вскочил на ноги. Чудесно! Никакой спешки, и книгу не уронила. Прежде, чем передать томик «хозяйке», «Люси» посмотрела на название: «Хамфри Клинкер», «Чувствительные слезы», а потом слегка подмигнула. В следующий момент она уже объявляла, что пришла с визитом Джулия – и особенным образом кланялась, как делают опытные горничные. И после мгновенно покинула сцену, в соответствии с указанием в пьесе. Режиссер то привставал, то ерзал на месте, многократно косился на мисс Гарт, а потом сказал ей:

– Прошу прощения, мэм, мисс Мэрабл говорила мне, что эта молодая леди впервые будет принимать участие в постановке. Не могу в это поверить!

– Но это правда, – мисс Гарт и сама была удивлена. Неужели интерес Магдален к театру происходил из природной склонности и дарования?

Репетиция продолжалась. Тучная леди в нелепом парике (та самая, с чувствительным сердцем) изображала сентиментальную Джулию с сугубо трагической точки зрения, непрерывно используя внушительный носовой платок. Старая дева, игравшая роль миссис Малапроп, делала чудовищные ошибки в тексте и от этого все сильнее нервничала. Несчастный, которому досталась роль сэра Энтони Абсолюта, не соответствовал ни по возрасту, ни по темпераменту, а потому отчаянно наигрывал – он постоянно колотил палкой об пол и шаркал ногами, представляя старика. Первый акт продвигался вперед – с остановками и перебоями, спадами и внезапными затруднениями. И только Люси радовала глаз живостью и естественностью, простотой манер и отличным знанием текста.

Однако репетиция не обошлась без непредвиденных трудностей, с которыми в самой первой сцене Магдален не сталкивалась. И отсутствие опыта в данном случае неизбежно приводило ее к ошибкам. Режиссер торопился помочь ей с энтузиазмом, которого не проявлял по отношению к другим участникам спектакля. Один раз он подсказал ей, как выдержать паузу, прежде чем покинуть сцену. В другой попросил остановиться на полужаде, склонить голову и

дерзко бросить взгляд в сторону публики – и она мгновенно поняла и все исполнила. Когда она достала список полученных подарков, ей удалось непринужденно похлопать по нему пальцами (как бы спрашивая подтверждения) и слегка улыбнуться, давая оценку событию. Она могла принять ехидный вид и сделать особые акценты, точно соблюдать расположение на сцене и развороты в сторону зала. Лицо режиссера сияло от радости. Он засунул папку с пьесой под мышку и захлопал в ладоши, к нему присоединились и джентльмены, наблюдавшие за репетицией. Дамы переглянулись с сомнением, словно не знали, стоит ли так явно поддерживать новенькую. Но Магдален была слишком увлечена процессом. Она старалась исполнять сцены без ошибок, на лету ловила советы и с охотой повторяла некоторые эпизоды.

– Она понимает каждый намек! – воскликнул режиссер. – Она прирожденная актриса!

– Надеюсь, что нет, – пробормотала мисс Гарт, чуть не уронив рукоделие, которым занималась, пока другие репетировали. Оправдывались ее худшие опасения, ведь театр – совсем не благородное занятие для леди и джентльменов, это она знала твердо. Магдален как легкомысленная неопытная девушка – это одно. Магдален с талантом прирожденной актрисы – случай потруднее.

А репетиция тем временем продолжалась. Во втором акте на сцене вновь, в последний раз, согласно пьесе, появилась Люси – на этот раз вместе с сэром Луциусом и Работягой. Магдален сделала ошибку, но и на этот раз с полуслова поняла режиссера и исправилась на ходу. «Браво!» – воскликнул за сценой один из джентльменов. «Невероятно, она же играет совсем пустячную роль», – проворчали дамы. «Господи, помилуй! Как жаль, что мы не паписты, я бы завтра же отправила ее в монастырь», – мысленно простонала мисс Гарт. В этот момент в комнату вошел один из слуг мистера Мэррабла, и гувернантка воспользовалась возможностью и отослала его за сцену с заданием: «Мисс Ванстоун исполнила свою роль в репетициях, прошу ее пройти ко мне и сесть рядом». Слуга вернулся с вежливым извинением: «Наилучшие пожелания от мисс Ванстоун, она просит прощения, но подойти не может, так как помогает мистеру Клэру». Ее помощь оказалась, видимо, толковой, так как Фрэнк неплохо справился. По крайней мере, на фоне других джентльменов выглядел отлично. Режиссер прокомментировал: «Она его буквально вытянула. Какая жалость, что ей не досталась роль получше».

«Какое счастье, что не досталась, – подумала мисс Гарт. – Одно утешение, что во втором акте она быстро выходит из действия».

Мисс Гарт имела склонность рассуждать логически, а потому никогда не спешила с выводами. Торопливость она считала слабостью. Но в данном случае она сама совершала ту же ошибку, поскольку заранее убедила себя в разрушительном влиянии спектакля, а особенно сценического успеха, на характер молодой особы.

По окончании репетиции тучная дама в парике отделилась от компании, чтобы подкрепиться у столика с закусками, приготовленного по распоряжению гостеприимного мистера Мэррабла. Ее отсутствия никто не заметил вплоть до начала следующей репетиции, но в назначенный час исполнительница роли Джулии не появилась. Вместо этого к сцене приблизилась миссис Мэррабл, в руке у нее было раскрытое письмо. Хозяйка дома отличалась прекрасным воспитанием, но в моменты крайнего волнения даже она могла потерять уверенные и сдержанные манеры. Она взмахнула руками и издала восклицание, которое едва ли было уместным в устах леди. Потом она протянула письмо дочери:

– Дорогая, мы прокляты, – и она покинула комнату прежде, чем потрясенное общество успело отреагировать.

Режиссер проводил даму пристальным взглядом, словно оценивая качество театральной игры.

Что же за несчастье свалилось на дом? Естественно, все дело было в спектакле: тучная дама категорически отказалась в нем участвовать.

Нет, она не хотела ничего дурного. В письме она изложила свои причины: во время последней репетиции она услышала замечания в свой адрес (совершенно преднамеренные). Речь шла о ее Прическе и ее Фигуре. Она не хотела бы огорчать миссис Мэррабл, повторяя их. Также она не желала называть имена тех, кто позволил себе эти высказывания. При сложившихся обстоятельствах она не находила возможным продолжать. Она завершала письмо извинениями за то, что взялась за роль молодой особы в своем Возрасте. Несомненно, найдется более юная и привлекательная дама на роль Джулии, а всем остальным она желает успеха.

До представления оставалось четыре дня, а теперь оно оказалось вообще под вопросом!

Мисс Мэррабл буквально упала в стоявшее на сцене единственное кресло, приготовившись устроить истерику. Магдален поддалась первому порыву: она подхватила письмо из руки мисс Мэррабл и молниеносно приняла решение предотвратить катастрофу.

– Она уродливая, лысая и злая! – воскликнула Магдален, разрывая письмо и швыряя куски на пол. – Но она не испортит спектакль! Я сыграю роль Джулии.

– Отлично! – отозвался хор джентльменов (и голос мистера Фрэнсиса Клэра звучал громче остальных).

– Да, я была одной из тех, кто говорил, что ее голова напоминает копну, а талия у нее как бочка. И от своих слов не отказываюсь.

– Ну, я тоже это говорила, – поддержала ее старая дева. – Но я просто имела в виду, что она слишком грузная для этой роли.

– Я джентльмен, так что ничего не говорил, но совершенно согласен с дамами, – отважился Фрэнк.

Мисс Гарт воспользовалась возможностью и громко заявила:

– Остановитесь! Так уладить трудности не удастся. Если Магдален будет играть роль Джулии, кто станет Люси?

Мисс Мэррабл, перед тем оживившаяся, снова откинулась на спинку кресла.

– Пустяки! – легкомысленно бросила в ответ Магдален. – Сыграю и Джулию, и Люси.

Режиссер быстро пролистал пьесу. Если убрать первый выход Люси и несколько продлить монолог Лидии Лэнгвиш, больше изменений не понадобится. Магдален вполне могла справиться с двумя серьезными сценами Люси в первом и втором актах, сосредоточившись на роли Джулии. И времени на переодевание хватит. Мисс Гарт попыталась возражать, но не нашла серьезных доводов. Вопрос решили за пять минут, и репетиция началась. Магдален читала текст Джулии по книге, пообещав нынешним вечером дома все разучить. Фрэнк забеспокоился, что ей не хватит времени, чтобы помочь ему, но Магдален кокетливо похлопала его по руке:

– Глупенький, как же я обойдусь без вас? Вы играете роль ревнивого возлюбленного Джулии, она из-за него плачет... Приходите сегодня вечером, чтобы заставить меня заплакать после чая. Вам больше не угрожает ужасная старуха в парике. Вам предстоит теперь разбивать не ее, а мое сердце. И, конечно, я научу вас, как это делать.

Следующие четыре дня прошли в репетициях и связанных с ними хлопотах. Наступил день спектакля, собрались гости. Магдален была крайне взволнованна и сосредоточенна, она стремительно усваивала все, чему учил ее режиссер. Мисс Гарт покинула ее, лишь когда началась увертюра, гувернантка уселась в углу за сценой, серьезная и молчаливая, с флаконом нюхательной соли в одной руке и книгой в другой. Она приготовилась к испытанию.

Зал был полон, было жарко от очага и от газовых ламп. Занавес открыли с трудом. Работа и Кучер первыми вышли на сцену, моментально забыв текст, так что половина диалога так и не была произнесена, а остальная прерывалась отчаянными паузами, из-за сцены периодически доносился шепот суфлера. В следующей сцене мисс Мэррабл в роли Лидии Лэнгвиш была изящна, красиво одета и уверена в себе, однако голос ее заметно дрожал. Дамы восхищались, джентльмены аплодировали.

Наконец, наступил черед Магдален предстать в качестве Джулии. Она была скромно одета в темных тонах, волосы были собраны в неприязательную прическу (облик оживляло только небольшое количество румян на щеках) – более эффектное появление она приберегла для второго акта. Элегантная простота ее костюма и полное самообладание привлекали всеобщее внимание. Мгновенно преодолев тремор в голосе, прозвучавший на первых фразах, она заговорила естественно и легко, постепенно очаровывая аудиторию. Единственным зрителем, глядевшим на нее с холодностью, оставалась старшая сестра. Нора уже через пять минут поняла, что Магдален избрала в качестве модели именно ее. Она узнавала мелкие детали, свои привычки и жесты, интонации, представленные на сцене самым откровенным и бессовестным, с ее точки зрения, образом. И все это вызывало взрывы аплодисментов. Дважды в своей первой сцене Магдален заслужила настоящий триумф. Она сумела создать живой характер – узнаваемый и забавный, насытив его собственной энергией и темпераментом.

Но внезапное появление Магдален еще и в роли Люси – в парике и с накладными бровями, с ярким гримом веснушчатой и грубоватой девицы, с измененным голосом – буквально взорвало аудиторию. Не веря своим глазам, зрители заглядывали в программки, проверяя, кто же играет Люси. Удивление усиливало восторг. Даже Нора не могла на этот раз не оценить удачную игру сестры. Трудно было поверить, что эта восемнадцатилетняя девушка впервые на сцене. Неизбежные мелкие промахи, вызванные трудностью исполнения двух ролей, были почти незаметны, Магдален преуспела в главном – она создала два полноценных и несхожих образа. Сложность задачи была очевидна для всех, а потому и оценка ее победы была горячеей и всеобщей.

Зрители вежливо аплодировали мисс Мэррабл, ведь спектакль был в доме ее отца, а сама она исполняла главную роль в пьесе. Но по мере развития действия ничто не могло сдерживать увлечения публики игрой Магдален. Мисс Мэррабл и ее ближайшие друзья оказались в тени новой участницы спектакля, которую они позвали как второстепенную и вспомогательную силу. И это в день рождения мисс Мэррабл! В доме ее отца! После шести недель жертв и усилий! Столько затрат и неудобств всей семьи – и что же, во имя успеха Магдален Ванстоун?

Во время спектакля мистер Ванстоун и Нора находились в зале, мисс Гарт за сценой – она считала своим долгом вмешаться, если триумф вскружит Магдален голову. Она опасалась, что подопечная может всерьез завести с режиссером разговор о карьере на профессиональной сцене. Она заметила, что режиссер с поклоном вручил девушке визитную карточку. Заметив суровый, испытующий взгляд мисс Гарт, он поспешил пояснить, что всего лишь хотел быть полезен мисс Ванстоун, если она когда-нибудь решит вновь выступать в домашнем спектакле.

Мисс Гарт взглянула на карточку – обычный квадратик плотной бумаги с именем и адресом. Ничего особенного. Магдален решительно отобрала карточку и сунула в карман.

– Я обещала рекомендовать его знакомым, – заявила она, – вот почему хочу сохранить карточку. Вот и все. Кроме того, она будет напоминать мне о самом счастливом времени в жизни! Ну же, поздравьте меня с успехом!

– Я поздравлю, когда будет успех, – холодно ответила мисс Гарт.

Магдален переделалась за полчаса и присоединилась к гостям, которые поспешили поздравить ее и выразить восхищение. Фрэнк последним из актеров-добровольцев появился в столовой. Он даже не пытался подойти к Магдален, но когда подавали экипажи, он уже стоял наготове с ее пальто в руках.

– Ах, Фрэнк, как жаль, что все закончилось! – вздохнула она. – Приходите к нам завтра утром, поговорим о спектакле.

– У живой изгороди в десять? – тихо переспросил юноша.

Она накинула капюшон и весело кивнула ему. Стоявшая рядом мисс Гарт заметила происшедший обмен жестами, но голоса гостей не дали ей возможности услышать разговор молодых людей. За живостью Магдален она разглядела нежность и внезапную задумчивость, мельк-

нувшую на лице девушки. Что все это означало? Это мимолетный интерес, вызванный общим участием в спектакле, или вспыхнувшие чувства? Не оказалось ли представление чем-то большим, чем пустая трата времени?

Мисс Гарт посуровела, она чувствовала себя одинокой среди оживленной и суетливой толпы. В памяти всплывали слова Норы, обращенные к миссис Ванстоун в саду: возможно, старшая сестра видит ситуацию в истинном свете?

Глава VII

Следующим утром мисс Гарт и Нора встретились в саду, чтобы поговорить наедине. За завтраком они хранили молчание по поводу спектакля. Миссис Ванстоун получила подробный отчет о нем только от супруга и младшей дочери. Затем Магдален не стала сопровождать остальных дам в утреннюю гостиную, однако заведенных обычаев она никогда не придерживалась, так что миссис Ванстоун не удивилась. Мисс Гарт и Нора многозначительно переглянулись и продолжали молчать. Прошло два часа, Магдален не появлялась. Наконец, когда часы пробили полдень, Нора встала и вышла из комнаты, чтобы поискать сестру.

Ее не было наверху, где Магдален любила перебирать свои драгоценности и платья. Не было ее и в зимнем саду, а также в цветочном саду и в кухне, где она нередко болтала с кухаркой; она не играла во дворе с собаками. Может, она ушла с отцом, который за завтраком сообщил, что нанесет визит старому другу мистеру Клэру, скептически относившемуся к театральным забавам. Никто из дам, проживавших в Ком-Рейвене, не имел привычки посещать унылый коттедж соседа, но кто знает, что взбредет на ум ветреной Магдален. Нора вздохнула и направилась к живой изгороди и калитке.

За вторым поворотом, там, где тропа была скрыта от дома деревьями, Нора буквально налетела на Магдален и Фрэнка. Они стояли, взявшись за руки и склонив головы друг к другу, нашептывая что-то на ушко. Вид у них был подозрительно красивый и счастливый. Увидев Нору, они замолчали и рассеянно уставились на нее. Фрэнк смущенно поклонился, а затем поспешил прочь, к отцовскому дому. Магдален шагнула навстречу сестре, покручивая на плече parasol, и стала беззаботно насвистывать увертюру из вчерашнего спектакля.

– О, время ланча! – бросила она, взглянув на изящные часики.

– И что, вы с мистером Фрэнсисом Клэром были здесь с десяти утра? – спросила Нора.

– Мистер Фрэнсис Клэр! Как нелепо это звучит. Почему бы тебе не называть его просто Фрэнком?

– Я задала тебе вопрос, Магдален!

– Ой, какая же ты сегодня мрачная! Ты не можешь простить мне вчерашнее? Ничем не могу помочь, дорогая. Я бы не справилась с ролью Джулии, если бы не избрала тебя за образец. Это Искусство. На твоем месте я бы гордилась.

– На твоем месте, Магдален, я бы дважды подумала, прежде чем передразнивать сестру на глазах у посторонних.

– В том-то и дело, что посторонних! Они же тебя не знают! Ну, перестань сердиться! Ты на восемь лет меня старше, ты же должна подавать мне пример доброго нрава.

– Я подам тебе пример прямоты. Я крайне огорчена, Магдален, и еще больше – тем, что встретила тебя здесь!

– Что? Я была в саду своего дома, обсуждала вчерашний спектакль с другом семьи и товарищем по сцене, с которым знакома с раннего детства. Стыдно думать об этом плохо. Вот тебе мой ответ.

– Я серьезно...

– Не сомневаюсь. Вот уж тебя никто не обвинит в пристрастии к шуткам.

– Я всерьез огорчена...

– О боже!

– Прекрати перебивать меня. Я намерена сказать – и скажу! Я огорчена, так как вижу, что между вами растет близость. Я огорчена тайнами между тобой и мистером Фрэнсисом Клэром.

– Бедный Фрэнк! Как же ты его ненавидишь. Чем он тебя так обидел?

Нора начала терять терпение. Щеки ее вспыхнули, тонкие губы задрожали. А Магдален уделяла больше внимания зонтику, чем настроению сестры. Она подбросила parasol и вос-

кликнула: «Раз!», и снова – «Два!», и снова – «Три!»... Нора схватила ее за руку, и зонтик упал между ними.

– Ты бессердечна! Стыдись, Магдален, стыдись!

Подобная вспышка была столь необычна для Норы, что Магдален только ахнула. Мгновение сестры смотрели друг на друга. Темные глаза старшей встретились со светло-серыми глазами младшей в безмолвном поединке. Затем лицо Норы дрогнуло, и она отвернулась, отпустив руку сестры. Магдален подняла парасоль.

– Я старалась быть сдержанной, а ты упрекаешь меня в бессердечии, – произнесла расстроенная Магдален. – Ты всегда слишком сурова ко мне, так, наверное, и дальше будет.

– Я сурова к тебе? – Нора горько вздохнула.

Магдален автоматическим жестом смахнула пыль с зонтика краем плаща и упрямо кивнула.

– Да, сурова ко мне и сурова к Фрэнку.

– Фрэнк! – фыркнула Нора, побледнев так же внезапно, как перед тем покраснела. – Можно подумать, что он твой избранник. Магдален! Он так дорог тебе?

Магдален слегка попятилась. Плащ ее зацепился за ветку дерева, и она в досаде дернулась, сломав ее.

– Какое у тебя право допрашивать меня? Нравится мне Фрэнк или нет, не твое дело! – с этими словами Магдален резко развернулась и шагнула в сторону дома.

Нора побледнела еще больше и преградила ей путь.

– Я давно наблюдаю за этим Фрэнсисом Клэром, – бросила она в лицо сестре. – Я знаю его лучше, чем ты. Он недостойн тебя, недостойн твоих чувств или доброты нашего отца. Человек чести не вернулся бы так позорно! Да, позорно, не закончив начатого дела. Я смотрела на него, когда друг, заменивший ему отца, утешал его, но я не заметила ни стыда, ни огорчения! Только облегчение, что его не стали упрекать. Он эгоистичный, неблагодарный. И с таким человеком ты секретничаешь! Можешь не верить мне, Магдален, но все это плохо кончится. Бога ради, подумай о моих словах, не давай свободы своим чувствам! – Нора перевела дыхание, вновь порывисто схватив сестру за руку.

Магдален была потрясена ее непривычной страстью.

– Я не узнаю тебя. Ты так жестока, ты неправа в своей ненависти к Фрэнку. Ты сердишься на меня только из-за того, что я не разделяю ее. Мне больно, отпусти мою руку, Нора!

– Я никогда не ранила бы твое сердце, – с этими словами Нора почти оттолкнула сестру и отвернулась.

Повисла пауза. Магдален поколебалась и пошла к дому.

На повороте она остановилась и обернулась. Она сожалела, что Фрэнк не ушел за несколько минут до появления Норы, ведь она уже говорила ему, что пора разойтись. «Нору волнует только благопристойность, она упряма, – говорила себе Магдален. – Что же делать? Терпеть не могу ссоры, надо все уладить». Она вернулась и коснулась плеча сестры. Нора не шелохнулась.

– Ну, полно, Нора, поцелуй меня, давай помиримся, – проворковала она. – Дорогая, взгляни на меня. Ну, ладно, и затылок у тебя очень симпатичный, могу его поцеловать, если хочешь!

Она быстро чмокнула шею сестры чуть ниже линии волос. Еще мгновение назад Магдален сердилась на Нору, но теперь уже жалела о размолвке. Конечно, она не собиралась менять свое отношение к Фрэнку, но зачем ссориться из-за этого? В это время до девушек донесся звук шагов. Из кустов выскочил скотч-терьер, а вскоре на тропинке появился мистер Ванстоун, возвращавшийся от соседа.

– Ах, папа! – воскликнула обрадованная Магдален и поспешила ему навстречу.

Но старшая сестра лишь опустила поля шляпки, чтобы тень падала на лицо, а затем первой пошла к дому. Там она поторопилась к себе в комнату и заперла дверь. Она горько плакала.

Глава VIII

Судя по лицу мистера Ванстоуна, его что-то сильно обрадовало. Он сказал Магдален, что собирается поделиться с семьей неожиданными новостями.

Утром, войдя в кабинет библиофила, мистер Ванстоун застал того за поздним завтраком и за чтением письма, а не книги, как бывало обычно. Мистер Клэр встретил гостя вопросом, насколько у того крепкие нервы, так как сам он не может оправиться от изумления.

– Нервы? – переспросил мистер Ванстоун. – Слава богу, я не знаю, что такое нервы. Немедленно рассказывайте, что вас так поразило.

Мистер Клэр жестом пригласил соседа присесть напротив и торжественно произнес:

– Что я вам все время говорил?

– Много чего, мне и не упомнить всего, – с улыбкой ответил мистер Ванстоун.

– В вашем присутствии и в других случаях я не раз утверждал, что один из важнейших феноменов современного общества – процветание дураков. Покажите мне дурака, и я назову соответствующую ему часть общества, в которой он преуспеет в девяти случаев из десяти. Во главе любой структуры сидит очередной осел, и вся мудрость мира его оттуда не сможет низвергнуть. Такова система! Мы погружаемся во мрак. Нас ждет крах.

– Помилуй боже! – воскликнул мистер Ванстоун.

– Такова моя теория, – кивнул мистер Клэр. – А теперь про письмо. Оно касается моего никудышного сынка...

– Вы хотите сказать, что Фрэнку представился шанс? – обрадовался мистер Ванстоун.

– Фрэнк ни на что не годен, – продолжал домашний философ-киник. – Он ничего полезного в жизни не еде-лал, и вот закономерное следствие. Его хотят потянуть наверх. Не успел он провалить шанс, данный вами, как приходит это письмо – второй шанс наготове. Мой богатый кузен (с интеллектуальной точки зрения, самое дно нашей семьи – и, естественно, стал ее главой) был так любезен, что вспомнил о нашем существовании. Желает поддержать старшего из моих сыновей. Прочитайте письмо и оцените ситуацию. В окружении моего дурака-кузена полно других дураков: землевладельцев, банкиров, политиков, все они неустанно помогают друг другу, рука руку моет, таков принцип. Они подбираются яблочко к яблочку, этикие сливки общества. И теперь Фрэнк может войти в их общество. Завтра он отправляется в путь. Конечно, со временем они от него захотят избавиться, сбить с рук, как фальшивую монету, ведь он полное ничтожество. Бог даст, я его больше не увижу, и это случится после моей кончины. Хотя не исключая, что среди себе подобных и он найдет место. Пусть становится генералом, епископом, министром, такова цена современного общества, – с этими словами мистер Клэр налил себе еще чашку чая.

Мистер Ванстоун с живым интересом прочитал письмо, весьма сердечное по тону и практичное по содержанию. Автор послания упоминал о своем участии в деятельности одной из крупных коммерческих фирм в лондонском Сити. Он предлагает свое участие в трудоустройстве старшего сына своего кузена. Фрэнку предназначался не пост обычного младшего клерка, а возможность быстрого карьерного роста, хорошее место в стране или за рубежом. А если он проявит способности и усердие, у него будет шанс сделать целое состояние. Чем раньше он прибудет в Лондон, тем лучше.

– Отличные новости! – с энтузиазмом заявил мистер Ванстоун, возвращая письмо. – Поспешу домой и всем расскажу об этом. Это в пятьдесят раз лучше, чем то, что я ему предлагал. А почему вы считаете нужным обвинять общество в целом? Где же Фрэнк?

– Там собираются исключительно никчемные личности, они всплывают наверх и держатся друг за друга.

Теперь им понадобился и мой недотепа. Если встретите его по дороге, дайте хорошего пинка и отошлите ко мне.

Мнение мистера Клэра о способностях сына могло бы выражаться в более мягкой форме, но по существу оно было вполне справедливым. Расставшись с Магдален, Фрэнк помедлил у живой изгороди, на некотором расстоянии от места встречи, – он надеялся, что старшая сестра вскоре уйдет, а младшая останется. Появление мистера Ванстоуна сразу после ухода Норы побудило юношу вернуться в коттедж отца. Он избежал столкновения с мистером Ванстоуном, но сразу наткнулся на мистера Клэра, который огорошил его известием о срочном отъезде в Лондон.

Тем временем мистер Ванстоун сообщил новости: сперва Магдален, затем жене и мисс Гарт. Он был так ненаблюдателен, что не заметил ни огорчения и растерянности младшей дочери, ни откровенного облегчения ее гувернантки. Он рассуждал на эту тему, когда прозвенел колокольчик, созывавший семью на обед, так что не заметил отсутствия Норы. Все собрались за столом, но Нора передала через слугу, что у нее головная боль, и она останется у себя. Когда мисс Гарт поднялась, чтобы сообщить ей новости о Фрэнке, девушка, казалось, не придавала этому особого значения. Она лишь заметила, что мистер Фрэнсис Клэр однажды уезжал, но затем вернулся. Так что вскоре появится снова. Она ни словом не упомянула о сцене, которую застала у живой изгороди. Ее обычная сдержанность словно окрепла после утреннего взрыва эмоций. Позднее в тот же день она встретилась с Магдален как ни в чем не бывало. Магдален видела в манерах сестры все тот же внутренний простеет. Однако – в силу гордости, недоверия или отчаяния – Нора решила в будущем сохранять индифферентность.

Позднее в тот же день мистер Ванстоун предложил старшей дочери отправиться на прогулку в экипаже, чтобы справиться с головной болью. Она охотно согласилась – обычно отец предпочитал общество Магдален.

А младшая из сестер бродила по саду. Встревоженная мисс Гарт отправилась на ее розыски – тщетные, так что гувернантка вернулась в дом расстроенная и встревоженная мыслью, что Магдален и Фрэнк могут где-то секретничать. Однако никаких прямых доказательств у нее не было. Экипаж уже подали, мистер Ванстоун и Нора отправились кататься, а миссис Ванстоун и мисс Гарт занялись рукоделием.

Магдален появилась лишь через полчаса – бледная и расстроенная. Она рассеянно объяснила свое исчезновение желанием погулять в лесу, взяла книги, но тут же положила их назад, вздохнула и ушла к себе наверх.

– Полагаю, Магдален еще переживает вчерашние впечатления, – заметила миссис Ванстоун. – После сильных эмоций наступило беспокойство и упадок сил, как мы и опасались.

В этот момент уместно было бы указать матери на причину взволнованности Магдален, и мисс Гарт решила использовать свой шанс.

– Не забывайте, что завтра уезжает один наш сосед. Сказать ли вам правду? Магдален переживает из-за расставания с Фрэнсисом Клэром.

Миссис Ванстоун с мягкой улыбкой оторвалась от рукоделия.

– Что в этом удивительного? Фрэнку нравится Магдален, но едва ли она всерьез отвечает на его чувства. Они так несхожи, он тихий и застенчивый, беспомощный и довольно скучный, бедняга. Конечно, он красив, но я не верю, что этого для Магдален достаточно.

Мисс Гарт была в изумлении.

– Неужели вы считаете, что люди влюбляются по сходству характеров? В большинстве случаев совсем наоборот. Люди так часто женятся и выходят замуж за тех, кто их недостойн, это очевидно окружающим, но не самым влюбленным. Разве вы не замечали этого?

– Все верно, – озабоченно нахмурилась миссис Ванстоун. – Я как-то не подумала об этом. И все же это маловероятно.

– Маловероятное случается едва ли не каждый день! – уверенно заявила мисс Гарт. – Отличные, разумные люди поступают вопреки здравому смыслу. А еще говорят, что в наши дни нет больше романтики. Из-за этого злосчастного спектакля Магдален слишком близко сошлась с Фрэнком, такое и прежде бывало с молодыми девушками. Он ее не стоит, но именно различие и оказалось притягательным. Она решительная и уверенная, умная и властная – совсем не образец скромной юной леди, ожидающей волевого и опытного мужчину. Она желает заботиться и опекать, и Фрэнк отлично подошел для этой цели. Просто удача, что завтра он покинет эти края, прежде чем случилась беда и она влюбилась слишком глубоко.

– Бедный Фрэнк, – вздохнула миссис Ванстоун, не удержавшись от улыбки. – Мы знаем его с пеленок, и Магдален играла с ним еще малышкой. Мы не должны быть с ним жестокими. Надеюсь, во второй раз ему повезет в жизни.

Мисс Гарт растерянно посмотрела на хозяйку дома. А та уже вернулась к работе, сказав напоследок:

– Милая моя, знаете старую сельскую поговорку «Цыплят по осени считают»? Давайте не будем забегать вперед, пусть жизнь течет своим чередом.

Не так-то просто было остановить мисс Гарт, когда та рассуждала с убеждением в своей правоте, но тут она поняла, что не следует настаивать, и замолчала, чуть поджав губы. Повисла долгая пауза.

Поведение миссис Ванстоун при сложившихся обстоятельствах было весьма примечательным. С одной стороны, была девушка, обладавшая красотой, перспективами на отличное приданое, достойным социальным положением. Она могла рассчитывать на прекрасную партию. С другой стороны, симпатичный, но нищий молодой человек, не имевший ни определенных занятий, ни ясных видов на доходы в будущем, потерпевший неудачу в первой попытке построить карьеру. Даже при самом удачном повороте дел вторая попытка принесет ощутимые результаты еще годы спустя. И при этом мать девушки не опасается их дружбы и нежной увлеченности, хотя брак между дочерью мистера Ванстоуна и сыном мистера Клэра никак не может считаться желательным.

Все это казалось необъяснимым и не менее загадочным, чем поспешная поездка в Лондон.

Вечером Фрэнк нанес визит соседям и заявил, что отец безжалостно отсылает его из Ком-Рейвена на следующее утро, ранним поездом. Он говорил с видом трогательной скорби и сердечного сокрушения, но встретил со стороны мистера Ванстоуна горячее одобрение и полные энтузиазма рассуждения о новых перспективах. Фрэнк выслушал все это с молчаливой, смиренной улыбкой. Меланхолия была ему к лицу, она подчеркивала женственное очарование юноши. Мягкие карие глаза светились нежностью, волосы были аккуратно причесаны, поза изящна. Он казался ожившей статуей Аполлона. Никогда прежде Фрэнк не выглядел так соблазнительно и утонченно. Вечер тянулся – скучный и праздный. Разговор поддерживали лишь мистер Ванстоун и мисс Гарт. Миссис Ванстоун молчала, как обычно, Нора держалась скованнее, чем всегда, а Магдален была тиха, как никогда. Время от времени она бросала на Фрэнка выразительный взгляд, но тут же опускала глаза. Принесли чай – тут уже редкая женщина устояла бы перед искушением прикоснуться к руке возлюбленного, будто между делом. Но даже на этот раз Магдален сдержалась, заслоняясь блюдцем так, чтобы исключить любой прямой контакт. Самообладание Фрэнка не было столь крепким, оно сохранялось лишь до тех пор, пока он был пассивен. Когда юноша встал, когда поймал на мгновение теплое касание пальцев Магдален, когда увидел, как выскользнул из прически ее локон, волна смущения буквально окатила его. Он мог выдать себя и ее, но мистер Ванстоун, искренне не догадывавшийся о чувствах молодых людей, как раз в это мгновение похлопал Фрэнка по плечу и воскликнул:

– Благослови тебя Бог, Фрэнк! Тебя ждет удача и благополучие. Ступай, мой мальчик, и одержи победу.

– Да, спасибо, – пробормотал юноша. – Добиться победы будет нелегко. Вы всегда говорили мне, что долг мужчины – преодолевать трудности и не жаловаться на них. Однако порой я чувствую себя совершенно беспомощным, когда гляжу на бесконечные колонки цифр. Они ставят в тупик. Да-да, я напишу вам обо всем, как только доберусь. Я весьма обязан вам за доброту и участие. Простите, что не преуспел на поприще инженера. Боюсь, к торговле я приспособлен еще меньше. Это ведь так ужасно, не правда ли? Еще раз благодарю. Прощайте.

И с этими словами он отправился в туманное коммерческое будущее – бесцельно, беспомощно, вежливо и покорно, как всегда.

Глава IX

Прошло три месяца. Все это время Фрэнк оставался в Лондоне. Погруженный в новые обязанности, он периодически писал о своей жизни мистеру Ванстоуну, как и обещал.

Его письма не свидетельствовали об особом энтузиазме. Мучительная борьба с цифрами, сожаления об оставленной профессии инженера, которая теперь представлялась гораздо более привлекательной. Он повествовал об усталости, о головной боли, о жестком и высоком табурете, на котором приходится сидеть часами, о торопливых завтраках в одиночестве, скверных ужинах и долгих часах в конторе. Глава департамента, в который его определили на службу, представлялся ему суровым. Но, несмотря на все это, мистер Ванстоун по-прежнему верил в будущее Фрэнка, в отличие от отца последнего. Мистеру Ванстоуну в письмах чудились ответственность и усердие, мистер Клэр замечал нытье и обреченность неудачника. Лондонцы оказались не такими уж растяпами и болванами – сразу распознали ни на что не годного клерка.

Все три месяца в доме мистера Ванстоуна царила довольно унылая обстановка. Лето приближалось, и тревоги миссис Ванстоун усиливались.

– Я делаю все, что в моих силах, – говорила она мисс Гарт. – В присутствии мужа и дочерей я само жизнелюбие, но июль меня пугает.

Нора оставалась мрачной и отстраненной. Мистер Ванстоун начинал нервничать по мере приближения лета, хотя старался не выдавать своих чувств. Магдален после отъезда Фрэнка переменилась, печаль не оставляла ее. Она двигалась теперь неспешно, сохраняла безразличие, часами сидела у себя в комнате, не наряжалась, стала раздражительной, заметно побледнела. И только мисс Гарт, обремененная домашними делами, сохраняла энергию и присутствие духа. Однако, несмотря на хлопоты, она часто вспоминала мартовское утро, странное письмо и внезапный отъезд Ванстоунов в Лондон, а также все перемены, следовавшие за этим. Когда атмосфера в доме станет прежней? Когда рассеются облака, столь неожиданно затянувшие горизонт, и вернутся счастливые времена?

Весна закончилась, уступив место лету. Затем наступил июль с душными ночами и жаркими днями.

Пятнадцатого числа случилось событие, удивившее всех, кроме Норы. Во второй раз – без очевидной причины, без предупреждения – в отцовский коттедж вернулся Фрэнк.

Мистер Клэр только рот разинул при виде сына. Однако по виду Фрэнка можно было предположить, что он прибыл не с известием о своей отставке, а с каким-то другим делом. На скептический вопрос отца о том, что привело его назад, он небрежно ответил, что ему сделали выгодное предложение. Сперва он хотел написать, но партнеры посоветовали ему лично переговорить с отцом и друзьями. Так что Фрэнк отложил перо и отправился на вокзал.

Крупная фирма в Сити разочаровалась в своем клерке – как это прежде случилось с Фрэнком и обучавшими его инженерами. Выяснилось, что молодой человек не способен самостоятельно действовать и откровенно не справляется с работой. Изучив ситуацию, наниматели пришли к выводу, что разумнее отправить мистера Фрэнсиса Клэра куда-нибудь подальше.

В результате этого решения Фрэнк был назначен письмоводителем в Китай, где в течение следующих пяти лет займется изучением торговли чаем и шелком и только после этого срока сможет вернуться в центральный офис в Лондоне. Если в Китае он сможет доказать свою полезность, то получит ответственный пост в столице и отличные перспективы. Мистер Клэр увидел в этом лишь желание нанимателей избавиться от туповатого, беспомощного и неблагодарного юнца. Однако время не ждало, окончательный ответ по поводу Китая Фрэнк должен был дать в ближайший понедельник, двадцатого числа, иначе он терял все шансы.

После короткого размышления мистер Клэр почувствовал, что его предубеждение против общества горячечной волной охватывает его разум. Он схватил Фрэнка за руку и потащил за собой в особняк Ком-Рейвен, где его никто никогда не видел!

– Я привел к вам своего олуха, – заявил мистер Клэр изумленной семье соседа. – Выслушайте всю историю.

По распоряжению отца Фрэнк изложил свои обстоятельства, стараясь подчеркнуть всю сложность своей будущей миссии. Отец прервал его и, взмахнув рукой куда-то на юго-восток (туда, где находился Сомерсет и Китай), сказал резко:

– Поезжай!

Мистер Ванстоун предавался мечтам о блестящем будущем своего юного подопечного, так что решительно поддержал соседа. Миссис Ванстоун, мисс Гарт, даже Нора присоединились к нему. Фрэнк был потрясен единодушием, которого не ожидал. А Магдален тем временем находилась на грани обморока.

Когда вопрос был решен, мистер Ванстоун почувствовал внезапную усталость, вызванную сильным волнением.

– Вероятно, надо завтра подумать о деталях на свежую голову, – предложил он. – Нам проще будет уладить все детали.

Его идею встретили с энтузиазмом и организацию отъезда Фрэнка в дальние края отложили на следующий день. Однако наступившее утро принесло лишь новые осложнения и неясности.

Как обычно, самостоятельно приготовив чай, мисс Гарт взяла парасоль и отправилась на краткую прогулку в сад. Она дурно спала, и десять минут на воздухе до завтрака могли восстановить ее силы.

Она прошла по краю цветочного сада, а затем вернулась по тропинке, проходившей мимо изящно декорированного летнего домика, от которого открывался вид на луга. Внезапно ее внимание привлек негромкий звук – чириканье птички? Мисс Гарт подошла к летнему домику и шагнула внутрь. Там она застала Магдален и Фрэнка, сидевших бок о бок. К ужасу мисс Гарт, рука девушки обвивалась вокруг шеи юного соседа, а что еще хуже – предполагаемая жертва китайской коммерции практически на глазах гувернантки получила от Магдален старое как мир утешение – поцелуй. В этой ситуации мисс Гарт должна была найти соответствующие слова.

Она распрямилась и голосом женщины, даже не слышавшей о поцелуях, заявила:

– Я полагаю, вы не станете отрицать, что мой долг велит немедленно доложить вашему отцу о столь возмутительном поведении его дочери.

– Избавлю вас от беспокойства, – решительно бросила в ответ Магдален. – Я сама ему обо всем расскажу.

Она развернулась к Фрэнку, который испуганно вскочил с места при виде гувернантки и стоял совершенно растерянный и беспомощный.

– Вы услышите новости, – с улыбкой сказала она юноше, а потом обратилась к мисс Гарт: – И вы тоже, – а затем стремительно прошла мимо гувернантки и направилась в сторону дома.

Мисс Гарт с негодованием пошла следом за ней, а Фрэнк поспешил исчезнуть.

Когда завтрак подходил к концу, мистер Ванстоун потянулся в карман за сигарой, но тут Магдален встала и многозначительно посмотрела на мисс Гарт, а затем прошла в холл вслед за отцом.

– Папа, я хочу поговорить с тобой наедине, – заявила она.

– Что случилось, милая?

– У меня есть одно дело, папа, – уже не так уверенно проговорила Магдален.

Мистер Ванстоун взял со столика в холле шляпу и закатил глаза, словно хотел в комическом виде изобразить несовместимость образа Магдален и понятия «дело», а затем жестом пригласил ее пройти в сад.

Дочь взяла его под руку, и они вместе проследовали до тенистого уголка на достаточном расстоянии от дома. Там она смахнула шелковым передником пыль со скамьи, чтобы отец мог присесть. Мистер Ванстоун был немало удивлен столь необычным проявлением внимания. Он с интересом ждал, что будет дальше. Магдален уселась рядом и обняла отца, опустив голову ему на плечо.

– Ну, и что же ты хочешь получить? – улыбнулся мистер Ванстоун. – Что это за таинственное «дело»?

– Оно начинается с вопроса.

– Ах, вот как? Почему-то я не удивлен. Итак?

– Папа! Ты когда-нибудь думал о том, чтобы выдать меня замуж?

Мистер Ванстоун только ахнул. Вопрос буквально ошеломил его.

– Магдален! Что еще тебе взбрело в голову?

– Папа, прошу, отвечай на мой вопрос.

– Я бы ответил, если бы мог, но ты меня совершенно озадачила. Ну, даже не знаю... Конечно, однажды я намерен выдать тебя замуж – если мы найдем для тебя достойного супруга. Но ты покраснела. Подними-ка личико, пусть его обдувает ветер. Не хочешь? Ну, смотри сама. Если твое дело означает, что ты намерена пощекотать мне нервы, ладно, продолжай. Следующий вопрос? Говори прямо.

Однако природное кокетство не позволяло Магдален «говорить прямо».

– Мы все вчера были так удивлены появлением Фрэнка, правда, папа? Ему очень повезло, да?

– Он просто счастливчик! – ответил мистер Ванстоун. – Но какое отношение имеет это к твоему «делу»? Я не понимаю, к чему ты клонишь, Магдален.

Она придвинулась еще ближе.

– Вероятно, он сделает состояние в Китае? Но это так далеко. Ты не заметил, папа, каким грустным был вчера Фрэнк?

– Честно говоря, я был так поражен новостью и так забавно было вдруг увидеть старину Клэра в нашем доме, что я не обратил особого внимания на настроение Фрэнка. Впрочем, ты права: похоже, он не сумел оценить по достоинству, как ему повезло.

– Тебя удивляет, что он грустит, папа?

– Само собой.

– А ты не считаешь, что покинуть родные края на целых пять лет, трудиться среди дикарей, не видеть друзей – настоящее испытание? Может быть, Фрэнку будет не хватать нас?

– Полегче, Магдален! Я слишком стар, чтобы так сжимать меня – я уже еле дыхание перевожу. Конечно, ты права, милая. Но за все в этой жизни приходится платить. Фрэнк будет скучать по друзьям, оставшимся в Англии, это неизбежно.

– Тебе ведь всегда нравился Фрэнк. И ты ему нравился.

– Да-да, он славный парень, тихий, добрый. Мы всегда отлично ладили.

– Ты относишься к нему как к сыну, да?

– Ну конечно, дорогая.

– Возможно, ты тоже скучаешь по нему, когда он далеко?

– Наверное, Магдален, не стану отрицать.

– Может быть, ты бы предпочел оставить его в Англии? Почему бы ему не остаться здесь, вместо того чтобы ехать в Китай?

– Милая моя! В Англии у него нет никаких перспектив. Я думаю о его пользе. Я от всего сердца желаю парню добра.

– Я тоже, папа! От всего моего сердца!

– Я не сомневаюсь, он же твой старый товарищ, еще с детских лет. Но что случилось? Почему ты плачешь? Ты же сама знаешь, что поездка в Китай пойдет ему на пользу.

– Но он не хочет делать там состояние, он достоин лучшего. Но я боюсь, ты будешь смеяться надо мной. Пообещай не смеяться!

– Все, что угодно, милая. Хорошо, обещаю. А теперь давай, говори, что может быть для Фрэнка лучше, чем Китай?

– Он может жениться на мне.

Если бы ясный летний день перед глазами мистера Ванстоуна внезапно сменился зимним сумраком, если бы деревья разом потеряли листву, а зеленые поля в одно мгновение покрылись снегом, его лицо выразило бы меньшее изумление. Он не мог поверить в то, что услышал, а дочь спрятала лицо у него в плече, словно опасалась увидеть его реакцию. Повисла долгая пауза, Магдален с трепетом ждала ответа. Наконец, мистер Ванстоун подобрал слова:

– Ты удивляешь меня, Магдален. Больше, чем когда бы то ни было.

Изменившийся, серьезный тон его голоса заставил девушку еще крепче сжать отца в объятиях.

– Я разочаровала тебя, папа? – тихо спросила она. – Только не говори, что я тебя разочаровала! Но с кем еще я могла поделиться своей тайной? Не отпускай его, прошу! Это разобьет мне сердце. Он боится сказать своему отцу, он даже с тобой боится говорить, потому что ты можешь рассердиться на него. О, не отпускай его! Ради меня... – прошептала она и нежно поцеловала отцовскую щеку.

Мистер Ванстоун был опечален, но ласково погладил дочь по волосам.

– Спокойнее, милая, – проговорил он почти шепотом.

Перед глазами отца как наяву мелькали воспоминания: вот Магдален, еще малышка, играет с ним, словно с товарищем-ровесником, вот крутится перед ним в новом платье... Она всегда была рядом, всегда уделяла папочке особое внимание, всегда оставалась его любимцей. Его простое и доброе сердце подсказывало ему, как любить, баловать дочку, но совсем не могло научить его тому, как увидеть ее взрослой, как вести себя теперь. В одно ошеломляющее мгновение мистер Ванстоун понял, что она стала женщиной!

– Ты хорошо все обдумала, дочка? – спросил он растерянно. – Ты уверена...

Она ответила прежде, чем он закончил вопрос:

– Уверена я, что люблю его? Ну конечно! Люблю! – голос ее задрожал от волнения.

– Ты такая юная. Вы оба слишком молодые, милая моя.

Она подняла голову и в первый раз за весь разговор прямо взглянула ему в лицо.

– А вы с мамой были намного старше? – она улыбнулась сквозь слезы.

Он хотел снова положить голову ему на плечо, но отец внезапно развернул ее лицо к себе, поцеловал нежно в лоб, прямо между бровями.

– Не намного, дорогая, – признал он. – Не намного старше, чем ты сейчас. Жди здесь, я пойду и поговорю с твоей матерью.

И она ждала, очень долго ждала, но отец не возвращался. Постепенно Магдален встревожилась. Она не понимала, что происходит, и решила тоже пойти в дом. Сердце ее щемила неясная тревога. Она никогда прежде не видела, чтобы ее отец был так взволнован и смущен, как после ее признания. Теперь она начинала беспокоиться о том, как пройдет следующий разговор. Магдален осторожно вошла в холл, не желая сразу же наткнуться на сестру или мисс Гарт, а потому нервно прислушивалась к малейшему шуму. Внезапно за ее спиной открылась дверь утренней гостиной. Она резко обернулась и увидела отца: сердце ее отчаянно заколотилось, лицо побледнело. Но мистер Ванстоун был вполне спокоен, хотя и не так жизнерадостен, как обычно. Магдален сразу заметила, что он старается говорить очень мягко – почти как мама, а не как он сам.

– Ступай, дитя мое, – он жестом пригласил ее в комнату. – Скажи матери все, что говорила мне, а если понадобится, то и еще больше. Она лучше подготовлена к таким разговорам, чем я. Мы сегодня все обсудим, а завтра и ты, и Фрэнк получите наш ответ.

Глаза Магдален загорелись надеждой. Она трепетала от счастья, входя в утреннюю гостиную. Отец уже подготовил для нее почву, первый шок прошел, и наверняка теперь мать согласится. Ей ведь нравится Фрэнк. Магдален и в голову не приходило, что миссис Ванстоун может быть против – ведь она жила любовью к детям и хотела им счастья.

На следующее утро важнейшее решение было принято. Родители обсудили ситуацию и пригласили младшую дочь к себе. Отец говорил с нежностью и добротой, но взвешивал каждое слово.

Мистер Ванстоун сообщил, что ни он, ни его жена не осуждают Магдален за ее увлечение Фрэнком. Оно вполне естественно, особенно после совместного участия в спектакле. Но теперь родительский долг позаботиться о будущем счастье своего ребенка, а что касается Фрэнка, они искренне хотят, чтобы он оказался достойным доверия. Они отдают себе отчет в предубеждении против юноши и эксцентричности его отца. Но Фрэнк и его братья давно уже заменили Ванстоунам умерших детей. Но во имя благополучия дочери они должны знать наверняка, что Фрэнк обеспечит ей стабильность и определенные условия жизни, подходящие для девушки из приличной семьи.

Наниматели Фрэнка в Лондоне получают ответ, что в течение ближайшего года мистер Фрэнсис Клэр не может принять пост в Китае. С этого момента начинается годичный период, в течение которого мистер Ванстоун оценит перспективы Фрэнка на будущее и степень его готовности к браку. И если все сложится так благоприятно, как и рассчитывает сам мистер Ванстоун, через год Фрэнк получит руку Магдален, как заслуженную награду, а приданое составит аналог тому состоянию, которое он мог бы заработать за пять лет в Китае.

Магдален была совершенно благодарна и тронута до глубины сердца. Она бросилась на шею отцу, потом матери, и мистер Ванстоун смог закончить свою речь, только когда она немного успокоилась.

– Ты ведь понимаешь, дорогая, я не хочу, чтобы Фрэнк вел праздную жизнь за счет средств жены? Мой план состоит в том, чтобы он извлек преимущества из своего нынешнего положения в Лондоне. В Сити ему помогут найти хорошую компанию, ты дашь ему деньги, чтобы выкупить ее. Сумму я ограничу до половины твоего состояния, а вторую часть передам в твои руки. Надеюсь, все мы будем живы-здоровы через год, – с этими словами он нежно взглянул на жену. – Но даже если со мной что-то случится, Магдален, это не изменит ситуацию. Мое завещание, составленное задолго до того, как я задумался о приобретении зятя, делит состояние на две равные доли. Половина отойдет вашей матери, а другая будет разделена между двумя нашими дочерьми. Ты получишь свое наследство в день свадьбы, а Нора – когда найдет мужа для себя. Надеюсь, я сам смогу вручить ей приданое. И не надо делать такие унылые лица! Мы все еще увидим, как Фрэнк станет богатым коммерсантом. А теперь прогуляюсь до соседского коттеджа...

– А зачем ты туда идешь? – спросила Магдален, перебив на полуслове.

– Я должен поговорить с отцом Фрэнка, – ответил мистер Ванстоун. – Не стоит забывать, что от его решения зависит окончательное урегулирование вопроса. Времени у нас мало, а он может создать определенные трудности, так что мне надо поспешить.

Магдален показалось, что он говорит каким-то странным, встревоженным тоном, она вопросительно взглянула на мать. Похоже, и та была слегка обеспокоена. Миссис Ванстоун повернулась, и лицо ее скривилось, как от боли.

– Как ты себя чувствуешь, мама? – спросила Магдален.

– Все в порядке, милая, – сказала миссис Ванстоун. – Оставь меня, я просто полежу.

Магдален вышла вместе с отцом.

- Папа, – прошептала она, – ты думаешь, мистер Клэр может сказать «нет»?
- Заранее трудно сказать. Надеюсь, он согласится.
- Но почему? Почему он должен быть против?

Магдален удивила сама мысль о том, что препятствия могут возникнуть с другой стороны. Она проводила отца в сад, уходя в сторону коттеджа, он оглянулся и жестом показал, что ей лучше пойти в дом.

Магдален еще минуту помедлила, глядя вслед отцу. За ним бежал скотч-терьер. Мистер Ванстоун по привычке помахивал тростью, но ей показалось, что он расстроен. Что же это могло означать?

Глава X

В холле Магдален почувствовала, что кто-то коснулся ее плеча. Она обернулась и увидела сестру. Она еще не успела задать вопрос, как заговорила Нора, довольно смущенно:

– Прости меня, ты должна меня простить.

Магдален растерянно смотрела на сестру. Она помнила резкие слова, которыми они обменялись у живой изгороди, но они уже не имели прежнего значения.

– Простить тебя? Но за что?

– Я слышала о твоих перспективах, – продолжала Нора с механическим безразличием, граничащим с невежливостью. – Я хотела бы помириться. Ты простишь меня? Ты сможешь простить и забыть нашу ссору? – внезапно она замолчала, словно лишилась дара речи, а лицо ее помрачнело. Затем Нора резко развернулась и ушла к себе.

Прежде чем Магдален успела последовать за ней, открылась дверь библиотеки, и оттуда вышла мисс Гарт, которая намеревалась выразить приличествующие случаю чувства.

Ее слова совсем не напоминали формальное обращение Норы, которая не могла преодолеть инстинктивное недоверие к Фрэнку и не понимала решения родителей. Мисс Гарт не брала на себя смелость судить хозяев дома и готова была защищать их позицию при любом стечении обстоятельств.

– Примите мои поздравления, – сказала мисс Гарт, – поздравления и извинения. Когда я увидела, как вы целуете мистера Фрэнсиса Клэра в летнем домике, я понятия не имела, что вы намерены просить родителей о благословении на брак. Не смею высказывать свое мнение. Я сожалею о своем появлении в неподходящее время. Возможно, вы будете счастливы! – мисс Гарт невольно поджала губы, когда у нее вырвалось последнее замечание.

Магдален была в таком восторге, что ей даже не хотелось отпустить привычные остроты в адрес гувернантки. Тем не менее, слова мисс Гарт ей совсем не понравились, так что она фыркнула и убежала наверх, вслед за сестрой. Она постучала в дверь, но не получила ответа. Тогда Магдален потянула за ручку, но дверь была закрыта.

При других обстоятельствах Магдален не ограничилась бы этим – она бы стала громко звать сестру и добиваться, чтобы та пустила ее. Она шумела бы до тех пор, пока не переполюшила бы весь дом. Но в это утро ее многое смущало и настораживало, так что она предпочла тихо спуститься в холл.

После недолгого колебания Магдален вышла в сад и прошла к живой изгороди, чтобы сразу увидеть отца, возвращающегося из коттеджа. Прошло полчаса, сорок минут, и тут до нее донесся возглас «К ногам!», обращенный к собаке. Неужели отец сердится на Снэпа? В следующее мгновение она увидела, как отец быстро шагает к дому, склонив голову, а скотч-терьер покорно трусит рядом. Все было неправильно! Магдален двинулась вперед, навстречу папе.

– Твое лицо красноречивее слов, – заметила она. – Мистер Клэр, как всегда, бессердечен. Неужели он сказал «нет»?

Мистер Ванстоун был необычайно мрачен, и это непривычное настроение пугало Магдален.

– Дорогая, прошу тебя: когда ты впредь будешь говорить о моем друге и соседе, не забывай, что мистер Клэр только что сделал мне одолжение, о котором я буду помнить до конца жизни, – он резко остановился, взглянул прямо в лицо дочери и смягчил тон, оценив степень ее огорчения. – Поцелуй меня, милая, а я тебе скажу, что мистер Клэр ответил «да».

Магдален хотела поблагодарить его, но внезапно ее охватила волна облегчения, так что девушка не смогла вымолвить ни слова, лишь молча обняла отца. Она дрожала, и он погладил

ее, чтобы успокоить. Почуввав изменение ситуации, Снэп стал радостно лгнуть к ногам хозяина и осмелился твякнуть. Магдален рассмеялась и наклонилась, чтобы потрепать терьера.

– Я так счастлива! Но, папа, ты пугаешь меня, ты совсем не похож на себя.

– Завтра все будет в порядке, дорогая. Сегодня я немного расстроен.

– Не из-за меня?

– Нет-нет.

– Тем, что тебе сказал мистер Клэр?

– Да, но тебе не о чем тревожиться, а теперь, дорогая, мне нужно пойти и написать письмо. Кроме того, я хочу поговорить с твоей матерью.

Когда отец ушел в дом, Магдален еще некоторое время бродила по саду, наслаждаясь новым чувством счастья. Собака следовала за ней.

– Ищи! Ищи Фрэнка! – приказала девушка.

Снэп бросился в кусты. Может, он ошибся и решил, что хозяйка ждет, что он поймает крысу?

А мистер Ванстоун тем временем встретился на лестнице с женой, с нетерпением ожидавшей его. Он проводил ее в гостиную.

– Все благополучно, как мы и надеялись.

– Слава богу! – горячо воскликнула миссис Ванстоун.

Мистер Ванстоун поправил ее подушки, а потом направился к выходу из комнаты.

– Тебе действительно нужно уйти? – спросила она.

– Надо написать письмо.

– Про Фрэнка?

– Нет, это подождет до завтра. Письмо мистеру Пендрилу. Я хочу, чтобы он срочно приехал сюда.

– Дела?

– Да, дорогая.

Мистер Ванстоун прошел в кабинет – маленькую комнату рядом с холлом. Он не любил писать письма и всегда оттягивал эту обязанность до последнего момента. Со вздохом он извлек бумагу и перо из ящика стола и взялся за дело. Письмо заняло три листа, что намного превосходило размеры его обычной корреспонденции. Закончив, мистер Ванстоун написал адрес: «Срочно – мистеру Уильяму Пендрилу, эсквайру, Сёрл-стрит, Линкольнз Инн, Лондон», а затем отложил документ в сторону и некоторое время задумчиво сидел за столом, рисуя линии на чистом листе. «Нет, – сказал он себе, – не стану ничего делать до приезда Пендрила». Он встал с явным облегчением и запечатал конверт.

В холле он встретил Нору и мисс Гарт, собиравшихся на прогулку.

– Куда собираетесь? – поинтересовался он. – Не в сторону почты? Может быть, отнесете мое письмо? Это очень важно – настолько важно, что я не хотел бы доверять его Томасу.

Нора взглянула на письмо.

– Видишь, дорогая, я написал мистеру Пендрилу. Я рассчитываю, что он приедет завтра днем. Мисс Гарт, вы позаботитесь о его размещении? Полагаю, мистер Пендрил останется у нас ночевать и пробудет до воскресенья. Подождите! Сегодня пятница, кажется, у меня на субботу после обеда назначена встреча, – он быстро просмотрел записную книжку и нахмурился. – Грейлси-Милл, три часа, суббота. Как раз когда приедет Пендрил и я должен быть дома, чтобы повидаться с ним. Что же делать? Перенести дела в Грейлси на понедельник не могу, слишком поздно. Что же, поеду туда сегодня, постараюсь застать мельника во время ужина, – он взглянул на часы. – На подготовку экипажа нет времени, поеду поездом. Если отправиться сию минуту, как раз управлюсь. Отправь письмо, Нора.

В то мгновение, когда мистер Ванстоун брал шляпу, на пороге появилась Магдален, вернувшаяся после разговора с Фрэнком. Ее внимание привлекло то, что отец спешил.

– Еду в Грейлси, – пояснил он, а потом добавил в шутливой манере: – Твои дела, мисс Магдален, пришли в противоречие с моими, так что уступаю тебе дорогу, а со своими разберусь сегодня.

– Мои дела? Но разве они не улажены?

Мисс Гарт указала на письмо в руке у Норы:

– Вот это наверняка по поводу вашего дела. Завтра приедет мистер Пендрил, юрист семьи. Нам пора, Нора!

Магдален была озадачена. Ее разговор с Фрэнком прервал посланец от мистера Клэра, вызывавшего сына к себе. Несмотря на то что он пришел к соглашению с мистером Ванстоуном, старый библиофил решил лично озвучить сыну решение об отмене китайской ссылки. Юноша сразу угадал, зачем его зовут.

– Отец обожает дразнить и поучать меня. Он постарается доказать мне, что я не заслуживаю такого счастья.

– Не может быть! – воскликнула Магдален.

Фрэнк обреченно развел руками.

Но Магдален даже хотелось, чтобы он еще пожаловался на жизнь. Разве Юность и Любовь могут рассуждать рационально? Разве замечают они что-нибудь вокруг себя? Магдален сняла шляпку и прошла в утреннюю гостиную, где тихо села рядом с матерью и погрузилась в мечты. Впрочем, размышления о напряженных отношениях между Фрэнком и его отцом не помещали ей основательно подкрепиться холодным цыпленком и чизкейком. Полчаса она поиграла на фортепиано, переходя от «Песен» Мендельсона к мазуркам Шопена, немного из Верди и Моцарта... Потом закрыла крышку инструмента и поднялась к себе, уселась в кресло и стала мечтать о своей будущей счастливой семейной жизни. Зеленые ставни были закрыты, горничная зашла расчесать ей волосы, это занятие погрузило девушку почти в транс, и Магдален уснула.

Она очнулась от дремоты в три часа и спустилась – миссис Ванстоун, Нора и мисс Гарт сидели в тени, в открытом портике перед домом.

В руках Норы было расписание поездов. Дамы обсуждали, успеет ли мистер Ванстоун вернуться с последним поездом. Потом разговор перешел на его дела в Грейлси, трудности фермеров. Время от времени беседа прерывалась, она никого особенно не занимала. Единственной, кто был по-настоящему заинтересован в том, как идут дела у мистера Ванстоуна, оставалась его супруга, но сегодня сердце ее теснила неясная тревога. Она жестом пригласила младшую дочь присесть рядом.

– Мы говорим о твоём отце, – объяснила она. – Милая, если бы только твоя семейная жизнь сложилась так же счастливо... – голос ее дрогнул.

Нора взглянула на мисс Гарт, и та поспешила перевести разговор на более нейтральный предмет.

– Мы рассуждаем, успеет ли мистер Ванстоун вернуться из Грейлси поездом, или ему придется нанимать там экипаж. Как вы считаете?

– Думаю, папа не успеет на поезд, – ответила Магдален с привычной быстротой. – Он ведь поехал внезапно, и в самый последний момент успел на поезд до Грейлси...

– Он должен помочь мельнику в трудной ситуации, – сказала миссис Ванстоун.

– А ты знаешь, что это за дело? – спросила Магдален. – Какие-то счета?

Миссис Ванстоун мягко улыбнулась:

– Вот когда отец вернется, сама у него и спросишь. А сейчас я пойду и полежу на софе, что-то мне нехорошо.

Дамы разделились. Магдален пошла в сад в надежде услышать рассказ Фрэнка о разговоре с его отцом. Остальные трое вошли в дом вместе. Когда миссис Ванстоун поудобнее

устроилась на софе, Нора и мисс Гарт оставили ее и расположились в библиотеке, чтобы разобрать недавно привезенные из Лондона новые книги.

Ясный летний день клонился к вечеру, задул легкий бриз с запада, голоса работников доносились с соседнего поля, прозвонил церковный колокол в отдалении. Сладковатый аромат долетал с полей и из сада, через открытые окна проникая в дом.

В четверть пятого миссис Ванстоун вышла из гостиной в пустой холл. Ей никак не удавалось собраться с мыслями, тревога мешала уснуть. Она сделала несколько шагов к двери, чтобы вернуться в портик, но потом передумала и замерла, размышляя, не пройти ли в кабинет мужа. Там царил беспорядок: ящики стола остались выдвинутыми, пальто и шляпы лежали на книгах со счетами и стопках документов, курительные трубки и удочки валялись где попало. Миссис Ванстоун зашла в комнату и прикрыла за собой дверь.

Она решила навести порядок в кабинете, чтобы отвлечься от неприятных и неопределенных мыслей. Стол, бумаги... «Бедный мой, какой же ты беззаботный! Слуги могут заглянуть в любые документы», – проворчала она с нежностью. Среди прочих тетрадей она заметила старинную нотную книгу со своим именем на обложке, написанным поблекшими от времени чернилами. Миссис Ванстоун покраснела, как девочка: он хранит ее старую нотную тетрадь! Она присела и открыла находку, с нежностью вспоминая прошлое, пока перелистывала страницы. Пробило полшестого, затем без четверти шесть, а она оставалась в кабинете, погруженная в нотные записи, мысленно напевая старые песенки своей молодости, многие из которых теперь уже совершенно забыты.

Нора оторвалась от чтения и посмотрела на часы, стоявшие на каминной полке в библиотеке.

– Если папа возвращается поездом, он будет с минуты на минуту, – заметила она.

Мисс Гарт с трудом отвлеклась от своей книги.

– Не думаю, что он успел на поезд, – ответила она. – Наверняка он воспользуется бричкой мельника.

В этот момент в дверь библиотеки постучали. Слуга обратился к мисс Гарт:

– Пришел человек, он хочет видеть вас, мэм.

– Кто это?

– Не знаю. На вид приличный. Настаивает на том, чтобы поговорить именно с вами.

Мисс Гарт прошла в холл, и слуга закрыл за ней двери библиотеки, а сам ушел в кухню.

У порога стоял незнакомец с бледным, встревоженным лицом, он казался нездоровым.

В руках он нервно мямл фуражку, при этом переминался с ноги на ногу.

– Вы хотели меня видеть? – спросила мисс Гарт.

– Прошу прощения, мэм, вы ведь не миссис Ванстоун?

– Конечно нет. Меня зовут мисс Гарт, мне сказали, что вы просили именно меня.

– Я клерк из офиса на станции Грейлси...

– Так, и что?

– Меня послали сюда...

Он замолчал, блуждая взглядом по полу, словно его привлекал узор на ковре, а руки все двигались и двигались, непрерывно сминая фуражку. Клерк облизал пересохшие губы и заговорил снова:

– Меня послали сообщить о серьезной беде.

– Серьезной для меня?

– Для всех в этом доме.

Мисс Гарт шагнула ближе к нему и пристально взглянула в лицо клерка. Она ощутила, как по спине ее, несмотря на июльскую жару, пробежал холодок.

– Подождите! – она быстро обернулась в сторону дверей гостиной. Они были закрыты. – Говорите худшее, только тихо. Несчастный случай? Где?

– На железной дороге. Рядом с Грейлси.
– Поезд на Лондон?
– Нет, обратный, тот, что в час с четвертью...
– О боже! Поезд, на котором мистер Ванстоун собирался возвращаться из Грей леи?
– Он самый. Меня прислали специальной дрезиной. Пути сейчас расчищают. Они не могли написать... сказали найти мисс Гарт и сообщить все ей. Семь пассажиров серьезно пострадали, а два...

Слова вновь замерли у него на губах, он провел рукой по лицу, с ужасом глядя куда-то за спину мисс Гарт. Она обернулась.

В дверях кабинета стояла миссис Ванстоун, сжимавшая в руках нотную тетрадь. Лицо ее было белым как мел, глаза смотрели в пустоту. Она тихо повторила последние слова клерка:

– Семь пассажиров серьезно пострадали, а два...

Тетрадь выпала из ее задрожавших пальцев, и она тяжело качнулась вперед. Мисс Гарт бросилась подхватить хозяйку, и успела. Потом гувернантка обернулась к клерку.

– Беда уже случилась, и все известно, говорите прямо. Он ранен?

– Он погиб.

Глава XI

Солнце клонилось к закату, западный бриз принес в дом вечернюю прохладу. Поля и цветочный сад пахли сильнее, источая сладкий аромат. Запели птицы, восславляя уходящий день.

И даже рутинный ритм жизни самого дома не изменился, равнодушно завершая привычный дневной круг. Пораженные горем и страхом слуги находили спасение в точном исполнении обязанностей. Лакей, бесшумно ступая, накрыл стол к ужину. Горничная приготовила кувшины с горячей водой и отнесла их в хозяйские спальни. Садовник, который ранее получил распоряжение вечером явиться к хозяину, чтобы решить вопросы со счетами, в назначенный срок принес все документы. Рутинные дела обладают особой силой, даже смерть не может остановить их с той легкостью, с какой она сокрушает человеческое счастье.

Но тучи зловещего Рока сгущались, и самые темные времена еще не наступили. В пять часов потрясение достигло пика. В течение часа новость о смерти мистера Ванстоуна усугубилась смертельной тревогой за состояние его жены. Она беспомощно лежала на постели, и жизнь нерожденного ребенка повисла на волоске. И только один человек принял на себя ответственность за принятие решений.

Конечно же, это была мисс Гарт. Возможно, если бы ранние годы ее жизни прошли столь же безмятежно, как те, что она провела в Ком-Рейвене, она тоже склонилась бы перед жестоким испытанием. Но юность гувернантки не была легкой, она научилась переносить и преодолевать страдания. И теперь именно она взяла на себя тягостный долг сообщить дочерям о смерти отца. Она постаралась утешить их при первом взрыве горя.

За старшую из девушек она тревожилась меньше: Нора дала выход чувствам самым простым и естественным образом – разрыдалась. Не так вышло с Магдален. Безмолвная, белая как полотно, с сухими глазами, она неподвижно сидела в комнате, буквально окаменев – словно статуя Горя. Ничто не могло растопить эту оболочку и помочь ей выразить страдание. «Не говорите со мной, не прикасайтесь, оставьте меня», – больше она не сказала ничего. Казалось, ее характер изменился мгновенно и полностью.

Спустились сумерки, летняя ночь приходит быстро. Как раз когда зажигали первые лампы, из Бристоля прибыл доктор. Его слова не принесли облегчения: «Мы сделаем все возможное, надо надеяться. Шок оказался для нее слишком сильным, миссис Ванстоун ослабела. Я останусь с ней на ночь».

Он открыл окна, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Отсюда открывался вид на подъездную дорогу, где у ворот стояли небольшие группы местных жителей.

– Предупредите людей, чтобы они не шумели, – распорядился доктор.

Но в этом не было нужды: там собрались работники покойного, несколько женщин и детей из деревни, все они притихли и переговаривались только шепотом. Трудно было найти хозяина добрее, чем мистер Ванстоун. Он помогал, утешал и подбадривал, сочувствие к его семье смешивалось теперь с опасениями за будущее. Для всех наступали теперь трудные времена.

Некоторое время спустя из своего коттеджа пришел в одиночестве старый мистер Клэр, он ждал в холле, чтобы узнать новости от врача. Мисс Гарт спуститься не могла, но послала ему известие со слугой, что все неясно. Мистер Клэр обещал вернуться через пару часов и медленно удалился. Внезапная смерть давнего и единственного друга, казалось, не произвела в нем существенных перемен. Когда он вернулся, мисс Гарт смогла встретиться с ним.

Они молча пожали руки друг другу, она немного подождала, а потом заговорила сама. Она боялась, что он станет расспрашивать о трагедии с мистером Ванстоуном, но он даже не упомянул об этой неожиданной смерти. Он лишь хотел знать, лучше или хуже миссис Ван-

стоун. Повлияло ли горе на здоровье супруги? Обычный человек едва ли смог бы усомниться в этом, так что мисс Гарт даже растерялась, и он повторил свой вопрос: ей лучше или хуже?

– Улучшений нет, – ответила гувернантка, – если и есть перемены, то к худшему.

Они говорили у окна гостиной, выходящего в сад. Мистер Клэр помолчал, кивнул, сделал шаг к выходу, а потом вдруг остановился и задал еще один вопрос:

– Доктор дает ей шансы на благополучный исход?

– Он не скрывает от нас, что она в опасности. Нам остается только молиться за нее.

Старик коснулся ладонью руки мисс Гарт, внимательно взглянул ей в лицо и спросил:

– Вы верите в силу молитвы?

Гувернантка отшатнулась.

– Как можете вы, сэр, задавать мне подобный вопрос в такой момент?

Он ничего не ответил, но не сводил глаз с ее лица. Потом все же бросил:

– Молитесь! Молитесь, как никогда раньше, чтобы миссис Ванстоун осталась жива.

С этими словами он ушел. В его манере и тоне скрывалась смутная, невысказанная угроза – известная ему, но не мисс Гарт. Она невольно пошла следом в сад и окликнула мистера Клэра. Он слышал ее, но не обернулся, а только ускорил шаг, явно желая избежать дальнейшего разговора. Она смотрела, как он пересекает залитую лунным светом лужайку. Потом на мгновение мелькнули белые руки, раздвигавшие ветви над головой, и фигура соседа скрылась за живой изгородью. Мисс Гарт вернулась к хозяйке, встревоженная сильнее прежнего.

Пробило одиннадцать. Где же сестры? Горничные доложили, что обе девушки находятся в своих комнатах. Прежде чем вернуться в спальню миссис Ванстоун, гувернантка решила провести своих воспитанниц. Спальня Норы была ближе. Мисс Гарт заглянула туда: колени-попреклоненная фигура со склоненной головой вызвала у гувернантки слезы умиления, она осторожно прикрыла дверь и прошла к Магдален. Перед ее комнатой она немного помедлила. Ее смутил странный звук – непрерывный шорох ткани, то ближе, то дальше. Магдален явно ходила туда-сюда. Мисс Гарт постучала. Шорох прекратился, дверь распахнулась, и перед гувернанткой появилось несчастное юное личико в окружении растрепанных локонов. Большие светлые глаза были широко раскрыты, но слез в них так и не было видно. Сердце воспитательницы мучительно сжалось от сочувствия. Она ласково взяла девушку за руку.

– О, дорогая, ты так и не плачешь! Если бы я могла помочь тебе! Поговори со мной, Магдален, ну попытайся... Вот Нора...

– Нора не виновата в том, что случилось, – с усилием выдавила Магдален. – Он погиб из-за того, что занимался моими делами. Позвольте мне самой нести это бремя, – она легонько коснулась холодными губами щеки мисс Гарт и закрыла дверь.

И снова неумолимый безостановочный шорох платья, сухой механический звук, отрицающий сочувствие и прощение, лишаящий надежды.

Миновала ночь. Было решено послать за лондонским доктором, у которого миссис Ванстоун консультировалась полгода назад, но он смог бы прибыть лишь на следующий день. Перемен к лучшему не наблюдалось.

Приходил Фрэнк с вопросом о новостях – по своей или отцовской инициативе, трудно сказать. В любом случае, если у старого мистера Клэра и хранились ключи от некой тайны, его сыну они были недоступны. Юноша выглядел бледным и растерянным. Он спросил что-то о Магдален, но так невнятно, со слезами на глазах, что сердце мисс Гарт впервые потеплело к нему. Она постаралась, как могла, подбодрить молодого человека.

Около полудня Фрэнк появился со вторым посланием. На этот раз отец его хотел знать, не приезжает ли сегодня мистер Пендрил. Если так, Фрэнк мог бы встретить юриста на станции и доставить сперва в коттедж Клэров, где тот мог бы и переночевать. Это удивило мисс Гарт: неужели мистеру Клэру известна цель, с которой мистер Ванстоун вызвал своего личного адвоката? Не было ли непривычное гостеприимство старика проявлением раскаяния из-за преж-

ней своей подозрительности? Или у него был свой тайный интерес к мистеру Пендрилу? Мисс Гарт находилась в смятении. Она сказала Фрэнку, что адвоката ожидают в три часа, и отослала юношу домой с благодарностью.

Вскоре после ухода Фрэнка выяснилось, что участие Норы все же оказало благотворное влияние на младшую сестру: Магдален жестоко страдала, такова была ее натура, что чувства ее были намного сильнее, чем у окружающих, но целительные слезы все же пришли – девушка разрыдалась, изливая горе, а потом затихла. Это немного успокоило мисс Гарт, которая позволила себе наконец немного отдохнуть у себя в комнате. Ее тело и разум были истощены, и она мгновенно провалилась в тяжелый сон без сновидений. Где-то между тремя и четырьмя ее разбудила одна из горничных. В руке служанки была записка от мистера Клэра-младшего, которую он просил срочно передать мисс Гарт. В нижнем углу конверта стояло имя: Уильям Пендрил. Значит, адвокат прибыл.

Юрист начинал со слов соболезнования, сообщал о приезде и о том, что находится у мистера Клэра, а затем делал вполне четкое профессиональное заявление:

«Если состояние миссис Ванстоун изменится к лучшему – будь то временное или стабильное улучшение, – прошу Вас в любом случае немедленно дать мне знать об этом. Мне необходимо видеть ее по делу исключительной важности. Мне хватит и пяти минут ее пребывания в сознании, чтобы она смогла поставить подпись под документом. Убедительно прошу Вас конфиденциально передать это и врачу, который при ней находится. Я стремлюсь добросовестно исполнить свой долг и готов явиться в любое время дня и ночи».

Мисс Гарт дважды перечитала письмо. Вчерашнее поведение мистера Клэра и это послание сложились в ее уме, подводя к логичному заключению: все это связано с детьми мистера Ванстоуна. Что может угрожать их безопасности, если мать не успеет подписать некий документ? Неужели мистер Ванстоун умер, не оставив завещания?

Мысли мисс Гарт путались, она поспешила в спальню миссис Ванстоун, изложила просьбу мистера Пендрила доктору и даже показала ему письмо юриста. На данный момент больная почти не приходит в сознание и поставить подпись не сумеет. Но при малейшей возможности доктор сразу сообщит мисс Гарт, что следует позвать адвоката.

– Вы понимаете, насколько это важно? – уточнила гувернантка.

Доктор заверил ее, что понимает.

– Не беспокойтесь, даже если мистер Ванстоун не оставил завещания, закон будет на стороне его вдовы и детей, – попытался успокоить ее врач. – Его собственность состоит исключительно из земельных владений?

– Нет, имущество вложено, в основном, в деньги, я сама много раз слышала это от него.

– Тогда вам не о чем беспокоиться. По закону треть достается вдове, остальное в равных долях распределяется между детьми.

– Но если миссис Ванстоун...

– Если миссис Ванстоун умрет, все имущество останется детям. Какова бы ни была важность запроса мистера Пендрила, не думаю, что дело связано с наследством. Но советую вам самой поговорить с адвокатом, чтобы не волноваться попусту.

Мисс Гарт решила последовать совету доктора. Она сообщила мистеру Пендрилу о состоянии больной, которое не позволяет ей подписывать документы, а затем осторожно намекнула на свою естественную обеспокоенность причинами столь высокой степени важности дела, с которым прибыл адвокат. Она отправила слугу с запиской, но полученный ответ ее разочаровал. Мистер Пендрил подтвердил суждение доктора о законе относительно наследства, но категорически заявил, что будет находиться в коттедже и ждать малейшего шанса увидеть миссис Ванстоун, чтобы получить ее подпись. Юрист не дал никакого объяснения причин своей настойчивости. Но еще раз подчеркнул крайнюю важность своего дела.

Ближе к вечеру прибыл врач из Лондона. Он долго оставался у постели больной, консультировался со своим местным коллегой, снова вернулся в комнату миссис Ванстоун, и только потом пригласил мисс Гарт.

Она взглянула ему в лицо и поняла, что теряет последнюю надежду.

– Скажу вам правду, – мягко заговорил лондонский врач. – Все, что можно было сделать, уже сделано. Следующие сутки покажут, как справится с ситуацией сама природа. Но прошу, готовьтесь к худшему.

Миновала еще одна ночь. Миссис Ванстоун к утру была еще жива. Она дышала до пяти часов дня – до того часа, когда ее сразило известие о гибели мужа. Затем душа ее покинула земную оболочку. Дочери склонили колени у кровати, чтобы попрощаться с матерью. Она так и не пришла в сознание, но в последние мгновения лицо ее разгладилось, страдание навсегда оставило ее.

Дитя, раньше времени явившееся на свет, пережило ее, протянув до заката, но с наступлением темноты хрупкая жизнь младенца угасла. Бренные останки матери и ребенка покоились на одной кровати. Ангел Смерти забрал свою горькую жертву, и две сестры остались в одиночестве в этом мире.

Глава XII

В четверг двадцать третьего июля, намного раньше обычного, мистер Клэр появился на пороге своего коттеджа и сделал несколько шагов в сторону узкого сада, окружавшего его дом.

Он прогулялся несколько раз туда-сюда, но вскоре к нему присоединился худощавый седовласый человек с незапоминающимся обликом и сдержанными манерами. Это был мистер Пендрил, от которого теперь зависела судьба осиротевших сестер из Ком-Рейвена.

– Время пришло, – сказал мистер Клэр, глядя в сторону живой изгороди и особняка Ванстоунов.

– Встреча с мисс Гарт назначена на одиннадцать утра, а сейчас лишь десять минут одиннадцатого.

– Вы встречаетесь с ней наедине?

– Я предоставил это решать самой мисс Гарт, но предупредил ее, что речь пойдет об очень серьезных обстоятельствах.

– И что она решила?

– Она обратилась за решением к самим девушкам. Старшая после похорон не в силах думать о будущем. А младшая сейчас просто копирует все, что делает ее сестра. Так что со мной встречается только мисс Гарт, что для меня большое облегчение, – адвокат произнес эти слова гораздо взволнованнее, чем обычно.

– Вы почти такого же возраста, как я, – заметил мистер Клэр. – И за столько лет практики ваше сердце не ожесточилось?

– Я и сам не знал, как мало оно ожесточилось, – грустно ответил мистер Пендрил, – пока не вернулся вчера из Лондона на эти похороны. Меня не предупредили, что дочери захотели идти за родителями до самой могилы. Их присутствие сильно тронуло меня. И они ведь не знают всей правды, не понимают, какая жестокая необходимость привела меня сюда этим утром. Вид бедняжек заставил меня ощутить боль, несмотря на годы опыта и привычку к неприятным ситуациям. Сегодня я не чувствую обычной уверенности.

– Самообладание у такого человека, как вы, является следствием необходимости, – сказал мистер Клэр. – Вам приходится исполнять свой долг, несмотря на обстоятельства.

Мистер Пендрил покачал головой:

– Не припомню столь безнадежную и прискорбную ситуацию.

На этом мужчины расстались, мистер Пендрил пошел в Ком-Рейвен, а мистер Клэр вернулся в коттедж. На пороге он остановился и бросил взгляд сквозь открытую дверь в маленькую гостиную, где без дела сидел Фрэнк, опустив голову на руки.

– Я получил из Лондона ответ от твоих нанимателей, – произнес старший Клэр. – С учетом всего случившегося они дают тебе отсрочку в месяц.

Фрэнк вскочил с места:

– А что дальше? Планы мистера Ванстоуна на мой счет не будут выполнены? Он сказал Магдален, что обеспечит ее. Она говорила, что он будет щедр к нам обоим. Что могла изменить его смерть? Что-то еще случилось?

– Подожди, пока мистер Пендрил вернется из Ком-Рейвен, – ответил ему отец. – Спроси лучше его, а не меня.

На глазах у Фрэнка выступили слезы.

– Но ты же не будешь суров со мной? – жалобно проговорил он. – Ведь ты не заставишь меня уехать в Лондон, не попрощавшись с Магдален?

Мистер Клэр задумчиво посмотрел на сына и ответил не сразу:

– Вытри глаза. Конечно, ты увидишь Магдален до отъезда.

После чего библиофил удалился в свой кабинет, где его ждали любимые книги. Он устроился поудобнее, раскрыл том, но мысли его блуждали сегодня далеко от страниц, он то и дело смотрел на пустое кресло напротив – то кресло, в котором так часто сидел его единственный друг, столько лет поднимавший ему настроение. В конце концов он захлопнул книгу. «К черту это кресло! Оно напоминает мне о нем!» Он взял трубку и набил ее табаком. Руки старика дрожали, взгляд постоянно возвращался к тому креслу. «С ним ушло лучшее, что было в моей жизни, – пробормотал он. – У меня было одно слабое место, и он нашел его».

Тем временем мистер Пендрил прошел по тропе в осиротевший дом. На пороге его встретил лакей. Он проводил юриста к мисс Гарт, ожидавшей его в кабинете покойного мистера Ванстоуна. Гувернантка в одиночестве стояла у окна. Утро было удручающе жарким, и она открыла нижнюю часть ставни, чтобы немного проветрить комнату.

Они вежливо поклонились друг другу, испытывая скованность. Мистер Пендрил в минуты особого волнения старался сдерживать чувства и оттого казался высокомерным. Мисс Гарт помнила, что юрист не пожелал делиться с ней информацией прежде, а потому опасалась предстоящего разговора. Некоторое время они, одетые в черное, молча смотрели друг на друга, твердые черты мисс Гарт были скованы горем, холодное, невыразительное лицо юриста оставалось почти неподвижным. Трудно было бы найти двух более замкнутых и неразговорчивых людей, но теперь им предстояло раскрыть секреты умерших.

– Мисс Гарт, искренне сожалею, что мне приходится беспокоить вас в столь трудное время. Но обстоятельства, о которых я уже упоминал, не оставляют мне иного выбора.

– Может быть, вы присядете? Вы предпочитаете остаться в этой комнате?

– Только здесь, поскольку тут хранятся документы мистера Ванстоуна, и мне придется обращаться к некоторым из них.

После обмена формальностями собеседники сели по сторонам стола, стоявшего у окна. Повисла пауза. Ее нарушил мистер Пендрил, поинтересовавшийся состоянием молодых леди. Мисс Гарт отвечала вежливо и нейтрально. Снова возникла пауза. Слышно было, как жужжат мухи в кустах под окном, как проскрипела где-то в отдалении телега и простучали копыта неспешной крестьянской лошади.

Наконец адвокат решил, что тянуть больше невозможно, и заговорил.

– Мисс Гарт, у вас есть все основания быть недовольной моим прежним поведением по отношению к вам. Во время болезни миссис Ванстоун вы прислали мне письмо с расспросами, но я никак не мог ответить, пока она была жива. Напротив, теперь тот же профессиональный долг – а также искреннее уважение к покойному мистеру Ванстоуну – побуждают меня раскрыть те серьезные причины, что заставили меня ждать целые сутки в надежде, что миссис Ванстоун придет в себя. Вы правы: мистер Ванстоун оставил завещание.

Он встал и открыл небольшой металлический сейф в углу комнаты, затем вернулся к столу с несколькими листами бумаги, которые продемонстрировал мисс Гарт. Она прочитала первую строку «Во имя Господа, аминь», затем обратила внимание на знакомую подпись «Эндрю Ванстоун» в конце страницы. Были здесь и две необходимые подписи свидетелей, и дата составления завещания – пять лет назад. Убедившись, что мисс Гарт видела официальные подробности, юрист убрал лист в сторону и сказал:

– Не стану скрывать, у меня есть свои причины показать вам этот документ.

– Какие причины, сэр?

– Сейчас объясню. По крайней мере, этот документ позволит вам сохранить уважение к мистеру Ванстоуну, когда вы узнаете всю правду...

Мисс Гарт резко выпрямилась:

– На что вы намекаете?

Но мистер Пендрил уже не нуждался в дополнительных вопросах, он и так намеревался все рассказать по порядку.

– Есть и вторая причина показать вам завещание. Вы и сами сможете понять кое-что из горьких обстоятельств, если прочитаете этот текст, но я предпочитаю, чтобы вы узнали все полностью и без искажений.

– Эти обстоятельства, сэр, касаются покойных или их детей?

– И тех, и других. И эти обстоятельства, увы, окажут значительное влияние на судьбу несчастных дочерей мистера Ванстоуна.

– Подождите, – прервала его мисс Гарт.

Сердце ее сжала мучительная тревога, которая могла бы сломить более юную или недостаточно решительную женщину. Она пристально смотрела в невыразительное лицо адвоката.

– Несчастных дочерей? – переспросила она. Нетрудно было догадаться: юрист подразумевает, что девушкам грозят новые беды, помимо того, что они внезапно осиротели. – Не хочу делать ваш долг еще более тяжким, сэр. Покажите мне соответствующее место в завещании, я прочту его и пойму, о чем вы хотите сказать.

Мистер Пендрил перевернул первую страницу и указал абзац на второй:

– Начинайте отсюда.

Она попыталась читать, но волнение, охватившее ее, мешало сосредоточиться, строчки прыгали перед глазами, а слова расплывались. Через несколько минут она вынуждена была признать:

– Не могу собраться с силами. Простите, придется рассказать или прочитать мне эту часть завещания, – она отодвинулась от стола и постаралась успокоиться. Но едва юрист попытался заговорить, вновь прервала его: – Только сперва один вопрос: в завещании обеспечены права детей?

– Да, на момент составления завещания.

– На момент составления? А сейчас?

– Сейчас нет.

Мисс Гарт схватила завещание и отшвырнула его в сторону.

– Все ясно! – воскликнула она. – Вы понапрасну тратите свое время и мои силы. Если это завещание бесполезно, зачем мне знать его содержание? Скажите правду, мистер Пендрил, прямо и без обиняков! Своими словами!

– Вынужден напомнить вам о событиях весны этого года, мисс Гарт. Вы помните, что случилось четвертого марта?

Она нахмурилась и ответила вопросом на вопрос:

– Позвольте мне сказать за вас? Бесполезное завещание, которое ничего не гарантирует его дочерям, сомнения в том, что я сохранию уважение к его памяти... Вы пытаетесь мне сказать, что мистер Ванстоун был разорен?

– Напротив. Мистер Ванстоун оставил более 80 000 фунтов, инвестированных в надежные фонды. Он жил на процент с этого капитала, но никогда не превышал этой суммы, на сегодняшний день его долги не превышают двухсот фунтов. Если бы он разорился, я бы просто выразил сочувствие его детям, но без колебаний назвал бы вещи своими именами. Но я вынужден повторить свой вопрос: вы помните, что случилось четвертого марта?

Мисс Гарт покачала головой.

– В таком случае спрошу иначе: не припомните ли весной событие, когда мистер Ванстоун проявил необычайную для него серьезность?

Мисс Гарт подалась вперед и пристально глянула на мистера Пендрила.

– Поездка в Лондон! Меня с самого начала встревожила та странная поездка в Лондон. Ну конечно. Мистер Ванстоун получил письмо, прочитал его и переменялся в лице...

– Вы помните, что мистер и миссис Ванстоун с полуслова поняли друг друга, в то время как ничего не было сказано прямо?

– Да-да, одна из девушек, Магдален, заметила, что почта из Америки. Миссис Ванстоун взволновалась, едва услышала название города, из которого пришло письмо. На следующий день они вместе уехали в Лондон, ничего не объяснив ни дочерям, ни мне. Миссис Ванстоун сказала, что это семейные дела. Я чувствовала, что там что-то неладно. Значит, я не ошибалась?

– Нет, вы были правы. У них было основание скрывать причины той поездки. Раскрыв их, я открою прискорбную тайну, которая и привела меня сюда. Теперь остается лишь назвать ее. Когда мистер и миссис Ванстоун в марте...

Но мисс Гарт снова прервала его. Она вздрогнула и взглянула за окно.

– Мне показалось... наверное, просто шелест листьев. Я слишком нервничаю. Прошу, продолжайте. Итак, почему же они поехали в Лондон?

– Чтобы пожениться.

С этими словами он положил на стол лист бумаги – брачный сертификат покойных, датированный 20 марта 1846 года.

Мисс Гарт онемела. Она смотрела на адвоката, не веря своим ушам и глазам.

– Они поехали в Лондон, чтобы вступить в брак, – подтвердил он. – Постарайтесь понять сам факт, объяснение обстоятельств потребует больше времени. Мисс Гарт, я всего лишь назвал прискорбную правду! Они поженились лишь этой весной, в строжайшей тайне. Это копия брачного сертификата, который поступил ко мне лишь в прошлый понедельник. Видите дату: пятница, двадцатое марта текущего года.

В этот момент легкий ветерок пошевелил кусты под окном, и мисс Гарт снова взглянула в ту сторону. На этот раз и мистер Пендрил отвлекся. Он обернулся к окну и почувствовал свежее дуновение на лице. Мисс Гарт взяла сертификат и усилием воли сосредоточилась на нем.

– Двенадцать лет, – она растерянно покачала головой. – Я прожила с этой семьей двенадцать спокойных и счастливых лет. Миссис Ванстоун была мне другом, почти сестрой. Не могу поверить! Сэр, я просто не могу поверить...

– Я постараюсь помочь вам во всем разобраться, – вздохнул мистер Пендрил. – Вы лучше все поймете, когда я расскажу о ранних годах мистера Ванстоуна. Просто послушайте меня.

Они посидели молча несколько минут, пока мисс Гарт успокоилась, затем адвокат достал из кармана пачку писем, перелистал их и убрал снова.

– Вы готовы? – мягко спросил он.

Мисс Гарт кивнула, и мистер Пендрил начал с еще одного предупреждения:

– Если некоторые стороны личности мистера Ванстоуна, которые я вам теперь представлю, будут противоречить вашему опыту общения с ним, учтите, что вы познакомились с ним двенадцать лет назад, когда ему было сорок, а история берет начало в те дни, когда ему едва исполнилось девятнадцать.

Дальнейший рассказ адвоката приподнял, наконец, завесу тайны над прошлым, которое никто не в силах изменить.

Глава XIII

– Состояние мистера Ванстоуна в то время, когда вы с ним познакомились, – начал адвокат, – представляло собой всего лишь часть гораздо большего наследства, доставшегося ему после смерти отца. Мистер Ванстоун-старший был промышленником из Северной Англии. Он рано женился, в браке родилось шесть или семь детей – точно не помню. Первый, Майкл, жив по сей день, ему около семидесяти лет. Вторым ребенком была дочь, Селина, она вышла замуж и скончалась лет десять назад. Затем родилось несколько сыновей и дочерей, умерших в детстве, – они не имеют значения для нашей истории. Наконец, последним, младшим ребенком стал Эндрю. Я познакомился с ним, когда ему было девятнадцать. Мой отец решил в то время уйти на покой и передал дела мне, в том числе и семейные дела Ванстоунов.

Эндрю поступил на военную службу, примерно через год его направили в Канаду. Когда он покидал Англию, между его отцом и Майклом возникли разногласия, в суть которых я не хочу сейчас вдаваться. Старший мистер Ванстоун был человеком достойным, но обладал горячим нравом. Старший сын вызвал его негодование, в общем, совершенно оправданное, закончилось дело резким разрывом: отец заявил, что не желает больше видеть Майкла. Несмотря на мои уговоры и просьбы жены, он в нашем присутствии разорвал завещание, по которому Майклу доставалась серьезная часть отцовского состояния.

Через несколько месяцев после прибытия Эндрю в Квебек он познакомился с привлекательной женщиной, уроженкой одного из Южных Штатов Америки. Он совершенно был ею очарован, и она сумела использовать это в своих целях. Вы можете вообразить пылкого, доверчивого юношу, впервые влюбившегося? Ему был двадцать один год, он связался с недостойной женщиной и совершил фатальную ошибку: женился на ней.

Она убедила его не говорить о намерениях товарищам-офицерам вплоть до заключения брака. Она сумела завладеть им, но не могла удержать его долго. Прошло около трех месяцев, и он узнал о том, какую беспорядочную жизнь она вела. Молодому человеку оставалось лишь расстаться с ней.

Бедный Эндрю был совершенно раздавлен случившимся. Приведу лишь одно свидетельство. В те дни один из старших офицеров, некий майор Кёрк, если не путаю, застал его в казарме, когда юноша писал отцу признание в своей ошибке, приготовив уже пистолет, чтобы свести счеты с жизнью. Майор спас ему жизнь и замял скандал. Но брак был абсолютно законным, а недостойное поведение супруги до свадьбы не могло служить основанием для развода без ее согласия. В итоге заключили соглашение: этой женщине выплачивать большое ежегодное содержание при условии, что она никогда не явится в Англию и не станет использовать фамилию мужа. Были и другие условия. Она согласилась и уехала. Не могу сказать, как и где она жила после этого. Но, насколько мне известно, в Англию она действительно не приезжала и мистеру Ванстоуну не досаждала. Ежегодные платежи на ее имя производились через агента в Америке вплоть до момента ее смерти. Она вышла замуж за Эндрю Ванстоуна ради денег – и деньги она получила.

Вскоре Эндрю оставил полк, его товарищи не знали об этой истории с женитьбой, и он благополучно вернулся в Англию. И первое известие, полученное им на родине, была новость о смерти отца. Он явился в мой офис в Лондоне, прежде чем ехать домой, и из моих уст услышал о том, как закончился семейный конфликт.

Завещание, разорванное старшим мистером Ванстоуном, так и не было заменено новым. Когда за мной послали, он был уже при смерти, и я ожидал, что последует обычный законный раздел имущества между вдовой и всеми детьми. К моему удивлению, среди бумаг обнаружилось незнакомое мне завещание, составленное по всем правилам, – судя по дате, оно было написано через неделю после уничтожения прежнего. В завещании содержались обвинения

против старшего сына. Нотариусом выступил посторонний юрист, что для меня лично было позором.

Не стану мучить вас лишними подробностями. Вдова мистера Ванстоуна-старшего получила пожизненный доход с капитала. Все остальное доставалось Эндрю и Селине: две трети брату и одна треть сестре. После смерти их матери капитал, на проценты с которого она жила, также делился между Эндрю и Селиной в тех же долях. В эту сумму входили и пять тысяч фунтов, предназначавшихся Майклу, старшему сыну.

Округляя цифры, могу сказать следующее. До смерти матери Эндрю получал семьдесят тысяч фунтов, а Селина тридцать пять тысяч, в то время как Майклу не доставалось ни гроша. После смерти матери Майкл получал ее пять тысяч, в то время как состояние Эндрю увеличивалось до ста тысяч, а капитал Селины вырастал до пятидесяти. То, о чем я рассказываю, напрямую связано с судьбой дочерей мистера Ванстоуна. Крайняя несправедливость отца по отношению к Майклу ожесточила его и вызвала мстительную ненависть к брату.

Когда Эндрю услышал новости, его первый импульс вполне соответствовал прямому и доброму нраву юноши. Он сразу предложил поделиться своим наследством со старшим братом, однако существовало серьезное препятствие. У меня в офисе его ждало письмо от Майкла, в котором говорилось о причинах конфликта с отцом. Я вынужден был также предоставить информацию, известную мне. Как я ни старался смягчить ситуацию, выходило, что возмущение отца было оправданным. Он обвинял Майкла в подлости и обмане. Эндрю подумал, что нарушить волю отца означало бы признать правоту старшего брата и предать старшего мистера Ванстоуна. Он написал об этом Майклу, но предложил ему разделить деньги, однако ответ на это письмо состоял из сплошных оскорблений. Майкл унаследовал горячий темперамент отца, но не благородство. Он заявлял, что признает только полное аннулирование завещания и передачу ему всей доли Эндрю. Я писал миссис Ванстоун с просьбой повлиять на старшего сына, но она была обижена тем, что муж оставил ей только процент со скромного капитала, так что встала на сторону Майкла. Она даже заявила, что Эндрю пытался подкупить старшего брата, понимая, что получил деньги незаконно. Это стало последней каплей. Майкл уехал на континент, мать последовала за ним. Она жила достаточно долго и экономно, так что смогла оставить старшему сыну пять тысяч фунтов в придачу к назначенной отцом доле. Еще ранее он сумел поправить свое бедственное финансовое положение выгодным браком и проводил время то во Франции, то в Швейцарии. Затем овдовел. У него есть единственный сын. Вскоре мы еще вернемся к этому. Важно отметить, что со времен того конфликта Майкл и Эндрю ни разу не встречались и не поддерживали переписку.

После смерти отца и разрыва отношений с братом и матерью Эндрю оказался один в целом мире, с большим состоянием и морально подавленный. Сестра его вскоре вышла замуж, а он не мог рассчитывать на создание семьи. Человек высокого интеллекта мог бы посвятить жизнь трудам, но на это у молодого Эндрю не было ни сил, ни желания. Характер у него всегда был мягким. Для счастья ему нужен был уютный дом, милая жена, дети. В отчаянии он погрузился в пучину праздной лондонской жизни. Встреча с дурной женщиной нанесла ему тяжелейший удар, но любовь хорошей женщины спасла его из бездны.

Вы знали миссис Ванстоун только в поздние годы, когда она была часто нездорова и опечалена, устала от постоянной тайны. Но какой прелестной и живой она была в свои семнадцать! Я был вместе с Эндрю, когда он впервые увидел ее. Как-то вечером я попытался оторвать его от сомнительных развлечений, уговорив пойти со мной на бал одной из крупных компаний Сити. Именно там они встретились. Она с первого взгляда поразила его. У нее совсем не было светского опыта. Мы узнали, что это дочь некоего мистера Блейка. Остальное Эндрю позднее узнал сам. Они танцевали весь вечер.

Ей с самого начала не везло. Она не была счастлива дома. Семья и друзья не занимали большого места в ее жизни, они были заунывными. В тот вечер был ее первый бал – и там она

встретила мужчину, отличавшегося блестящим воспитанием и утонченными манерами настоящего джентльмена. Разве могла она устоять?

Та встреча определила их судьбу. Они сразу выбрали опасный путь. Искренность и чувство чести не позволили ему скрыть правду. Она же была настолько благородна и импульсивна, что его отчаянное положение лишь привлекло ее еще больше. Она чувствовала своим долгом поддержать и пожалеть его. Она стала для него единственным шансом на спасение.

Поймите меня правильно: я не хочу оправдывать нарушение общепринятых норм, но история этой пары тронула меня. Я не стану осквернять их память. Я всего лишь говорю правду. Она оторвала его от безумного погружения в разгул и спасла от ранней смерти. Она создала для него счастливый дом, и вы сами видели, насколько благодарным и любящим супругом он стал для нее. Как только пришло известие о смерти его первой жены, он немедленно поспешил вступить в законный брак с настоящей спутницей жизни. Думаю, христианское милосердие должно смягчать сердца и учить нас любви и верности, прощая ближним слабости и ошибки.

Положение мистера Ванстоуна было таково, что ему постоянно грозило разоблачение. Он и его возлюбленная постарались скрыть тайну от семьи мисс Блейк, но это им не удалось. Не знаю, как все обернулось бы, будь ее родственники более строгих правил, но они оказались весьма сговорчивыми. В настоящее время из всей семьи жив только мелкий мошенник, известный как капитан Редж. Он постоянно получал от миссис Ванстоун деньги за молчание. Впрочем, и другая ее родня делала то же самое. Такие это были люди.

Сначала мистер Ванстоун и мисс Блейк уехали в Ирландию, там они провели несколько лет. Решившись пожертвовать своей жизнью ради любимого, она утешалась мыслью, что прежний его брак был основан на мошенничестве и не был настоящим, так что именно она его жена перед Богом. Она вела себя так, что никому и в голову не приходило заподозрить неладное.

Женщины умеют быть решительными и сильными, когда принимают на себя ответственность за тех, кого любят и оберегают. А миссис Ванстоун была настоящей женщиной. Именно она заботилась о том, чтобы их тайна оставалась скрытой.

Вернувшись в Англию, они поселились в Девоншире, подальше от северных краев, с которыми были связаны Ванстоуны. Им никто не досаждал. Мать и старший брат стали чужими. А сестре запрещал общаться с ним муж-священник, возмущенный сомнительным поведением Эндрю в Лондоне до встречи с мисс Блейк. Других родственников у него не было. Затем Ванстоуны переселились из Девоншира в этот дом, где были по-настоящему счастливы. Здесь родились их дети, здесь они наладили простую сельскую жизнь, завели круг знакомств среди соседей. Им нечего было здесь опасаться.

Вы провели с ними столько лет, и они ничем себя не выдали. Они ведь были мужем и женой на протяжении пятнадцати лет, прежде чем вы пришли в их дом. И ничто не напоминало им о прошлом вплоть до того письма из Америки с сообщением о смерти первой жены мистера Ванстоуна. Впервые у них появился шанс все сделать по закону, они могли невольно раскрыть тайну, но и вы, и их дочери слишком невинны, вы не могли заподозрить ничего сомнительного.

Он помолчал, слегка отвернувшись от мисс Гарт, на лице его отражалась понятная печаль. Только теперь гувернантка осмелилась прервать его повествование. Едва сдерживая слезы, она глубоко вздохнула и произнесла:

– Я была несправедлива к вам, сэр, в своих мыслях. Простите, я не знала, насколько вы благородны.

Адвокат был глубоко тронут ее реакцией. Он пожал ей руку, молча кивнув. Мисс Гарт смахнула со щеки слезу и добавила:

– Я совершенно потрясена, мистер Пендрил. Позвольте мне задать еще один вопрос, прежде чем вы продолжите свой рассказ? Сердце мое болит за девушек, к которым я искренне

привязалась, они мне дороги, как и родные дети не всем бывают дороги. Есть ли для них надежда? Что, кроме бедности, ждет их впереди?

Адвокат колебался, прежде чем ответить.

– Их положение теперь зависит от справедливости и милосердия незнакомого им человека.

– Из-за обстоятельств их рождения?

– Из-за обстоятельств, сложившихся после заключения брака их родителями.

Сделав столь странное заявление, он встал и поднял с пола завешание.

– Я всего лишь говорю правду. Брак уничтожил прежнее завешание и оставил дочерей мистера Ванстоуна на милость их дяди.

– Дяди? – потворила мисс Гарт, она на мгновение растерялась, а потом ахнула: – Вы имеете в виду Майкла Ванстоуна?

– Да.

– Они оказались в зависимости от Майкла Ванстоуна?! – повторила она. – От худшего врага их отца? Как такое могло случиться?

– Еще немного, и я смогу вам все объяснить, – ответил мистер Пендрил. – Чем скорее мы разберемся со всей этой мучительной историей, тем скорее я смогу связаться с мистером Майклом Ванстоуном и узнаю, как он намерен поступить в отношении осиротевших дочерей своего брата. Повторяю: теперь их будущее целиком зависит от его решения. Но сперва я должен закончить рассказ.

– Еще момент, – вновь прервала его мисс Гарт. – А для вас поспешный официальный брак мистера и миссис Ванстоун в тот момент тоже был тайной?

– К сожалению, так. Меня не было в Лондоне, и даже в Англии. Если бы мистер Ванстоун смог связаться со мной, получив письмо из Америки, судьба его дочерей теперь не подвергалась бы опасности.

В начале года мне пришлось уехать на Ямайку по неотложным делам старого клиента и друга, связанным с его собственностью в Вест-Индии. Я написал мистеру Ванстоуну в конце февраля, сообщив, что дело долгое и я вряд ли вернусь раньше июня. Я передал дела мистера Ванстоуна своим клеркам, но, естественно, никого не мог посвятить в его частные и тайные обстоятельства. Я получил от него известие о смерти первой жены четвертого марта, на корабле, но вернуться в Англию я смог лишь в середине июня.

– А он знал о вашем возвращении?

– Я с ним не встречался, но мой клерк, отвечающий за почту, написал ему, что я снова в Лондоне. После долгого отсутствия на меня навалилось множество срочных дел, и я узнал о его скоропалительном браке лишь через месяц, из письма, написанного им накануне трагической гибели. Он побеспокоился сообщить мне об этом лишь в связи с планируемым союзом его младшей дочери с сыном мистера Клэра.

В разговоре с самим мистером Клэром он рассказал честно обо всех своих семейных делах, чтобы в дальнейшем ничто не омрачило отношения их детей. Это было серьезным шагом со стороны мистера и миссис Ванстоун. Но вы знакомы с отношением мистера Клэра к социальным предрассудкам. Он с открытым сердцем принял исповедь друга. Естественно, мистер Ванстоун упомянул и о завещании в пользу своих дочерей. О том самом, что лежит теперь на столе перед нами. Но мистер Клэр человек образованный, он указал соседу, что брак, заключенный в марте, автоматически отменяет прежний документ, составленный пять лет назад. Слова соседа поразили и взволновали мистера Ванстоуна и побудили немедленно прислать мне вот это письмо.

В нем содержится новость о смерти его жены в Америке и о новом браке, а также о разговоре с мистером Клэром и о необходимости составления нового завешания. Он рассказал и о беспокойстве жены за свое здоровье, о грядущих переменах в семье...

Письмо пришло в субботу утром, и я немедленно отправился в путь, отложив все другие дела. О железнодорожной катастрофе в пятницу я услышал уже на вокзале в Лондоне. Все говорили о том, что есть погибшие и раненые. В Бристоле новости подтвердились, и я услышал имя мистера Ванстоуна среди жертв. На станции меня ждал сын мистера Клэра, к этому времени я уже успел пережить первый шок и подумать о том, что предпринять. Моей главной задачей было обеспечить будущее дочерей погибшего клиента в соответствии с его желанием. По закону треть состояния мистера Ванстоуна отходила его вдове. Но дочери родились до заключения брака, так что после его оформления и при отсутствии нового завещания они не имели никаких прав на остальное наследство. Единственный шанс был успеть составить завещание их матери, чтобы она оставила свою треть девушкам. Вот почему я так просил о встрече с ней и надеялся получить ее подпись. Однако все было тщетно. В тот момент я не мог раскрыть секрет ее брака – пока она была жива, только она сама могла сделать это.

– Теперь я понимаю вашу скрытность, мистер Пендрил, – ответила гувернантка. – Я уважаю ваш выбор.

– Увы, состояние миссис Ванстоун так и не позволило мне оформить законный документ. Если бы выжил новорожденный мальчик, рожденный уже в законном браке, он унаследовал бы все состояние мистера Ванстоуна. Но смерть ребенка уничтожила последние проблески надежды. Теперь единственным законным наследником становится брат покойного – мистер Майкл Ванстоун. Ему отойдут все восемьдесят тысяч фунтов.

– А другие родственники? Есть ли надежда, что часть денег достанется человеку, более склонному позаботиться о дочерях мистера Ванстоуна?

– Других родственников нет. Ни дедушки или бабушки умершего младенца с любой стороны, ни сестер или братьев мистера или миссис Ванстоун. Все умерли еще раньше. Есть кузены девушек: сын и две дочери старшей сестры мистера Ванстоуна, супруги архидьякона Бертрама, сама она умерла несколько лет назад. Но их близость по крови уступает родству Майкла Ванстоуна. Он оказался ближайшим родственником. Придется смириться с горькой правдой, мисс Гарт. Дочери мистера Ванстоуна становятся никем: ни денег, ни имени, если только дядя не проявит милосердие к ним.

– Жестокий закон, мистер Пендрил, жестокий закон христианской страны.

– Жестокий, мисс Гарт, это правда. Я вовсе не склонен одобрять законы Англии по поводу незаконных детей. Напротив, я считаю его настоящим позором. Он перекладывает грехи родителей на невинных детей, он поощряет злодейство в отношении сирот, и все это от имени морали и религии. В других христианских странах закон милосерднее, он автоматически присваивает официальный статус детям, рожденным до брака, если родители все же заключили его впоследствии. Но тут мы ничего не сможем поделать. Меньше чем через час я вернусь в Лондон. Там я должен сразу составить письмо мистеру Майклу Ванстоуну, и я, естественно, включу в него просьбу о милосердии к детям покойного. О результате я вас проинформирую как можно скорее. Не будем терять надежду.

– Надежду? На Майкла Ванстоуна?

– Да, надежду, что время смягчило его, что он не держит зла на детей брата. Он уже старик, ему остается не так уж много времени. С момента ссоры минуло тридцать лет. Да и обстоятельства гибели брата столь ужасны.

– Постараюсь думать, как вы, мистер Пендрил, буду надеяться на лучшее. Как скоро придет ответ?

– Полагаю, очень скоро. Единственная задержка – уточнить, где именно на континенте проживает мистер Майкл Ванстоун. Но это совсем простая задача.

Адвокат взял шляпу со стола, на котором осталось последнее письмо несчастного Эндрю Ванстоуна и его бесполезное теперь завещание. После короткого колебания мистер Пендрил взял их и протянул мисс Гарт.

– Это поможет вам поговорить с девушками и все объяснить им. Они должны знать, что отец искренне заботился о них. Пусть прочитают его трогательное и взволнованное письмо, а также узнают об условиях завещания. Им будет горько узнать об обстоятельствах своего рождения, но они не должны никого винить в этом. Лично я сделал бы многое, чтобы помочь им, мне так жаль, что я оказался бессилен.

Мисс Гарт приняла бумаги и попрощалась с адвокатом. Ясный солнечный день не рассеивал мрак в ее душе. Она должна была раскрыть правду своим воспитанницам. Не было еще в ее жизни такого тяжелого дня.

Глава XIV

Мистер Пендрил покинул дом Ванстоунов в час пополудни. Мисс Гарт в одиночестве сидела за столом, пытаясь обдумать все новости, обрушившиеся на нее в этот день.

От напряжения мысли путались, она никак не могла определиться ни со своим положением, ни с обстоятельствами. Наконец она открыла и вслух прочитала последнее письмо мистера Ванстоуна. Это помогло ей сосредоточиться. Звук собственного голоса нарушал тягостную тишину, а искренность и волнение автора, еще не знавшего о надвигавшихся трагедиях, заставляли сердце сжиматься от боли. Наконец, она дошла до строк, посвященных ожидаемому браку Магдален и Фрэнсиса Клэра.

Значит, именно это решение заставило его открыть тайну перед старшим мистером Клэром. И это запустило череду событий, которые привели к смертям. Поэтому он послал за адвокатом, а поездку к мельнику, запланированную на субботу, второпях перенес на пятницу – и это стало причиной его гибели, погубившей и его жену, и младенца-сына. И теперь отчаянное положение его дочерей. В первый раз она увидела всю картину.

Но как рассказать обо всем девушкам? Прошла лишь неделя с момента смерти их отца и матери. Кто осмелится сказать им, что они теперь незаконнорожденные, лишившиеся будущего? Бедная женщина слишком любила их. Нет, лучше пока хранить молчание. Пусть они предаются чистой печали хотя бы еще несколько дней.

Она вышла из комнаты с завещанием и письмом в руках. Естественная человеческая жалость запечатала ей уста, она предпочитала сейчас не заглядывать в будущее. В зале она остановилась и прислушалась. Ни звука. Она поднялась на второй этаж, на пути к своей комнате она миновала дверь в спальню Норы. Оттуда доносились голоса сестер. После недолгого колебания мисс Гарт развернулась и спустилась назад, в холл. Нора и Магдален знали о том, что она встречается с мистером Пендрилом. Разве не будет выглядеть подозрительно, если после этого она уединится у себя? Выдержка, не покидавшая ее ни при каких обстоятельствах, требовала разумного решения, но задача перед ней стояла непосильная.

Она вышла в сад и прошла к скамейкам и столу в тени деревьев, чтобы выиграть время для раздумья. В прошлом она часто сидела здесь вместе с миссис Ванстоун и Норой, в то время как Магдален играла с собаками на траве. Теперь она была одна – завещание и письмо лежали перед ней на столе. Она спрятала лицо в руках, пытаясь набраться отваги.

Вдруг ее посетила мысль: а что, если мистер Пендрил сам напишет Норе и Магдален, полагая, что она уже все им рассказала. А если понадобится быстро покинуть дом? Она подняла голову и беспомощно стукнула рукой по столу.

– Господь, помоги мне, – проговорила она. – Как я смогу им все рассказать?

– Не надо им ничего рассказывать, они уже все знают, – раздался голосок у нее за спиной.

Мисс Гарт испуганно вскочила и оглянулась. Перед ней стояла Магдален. Именно она и произнесла последнюю фразу. Лицо ее было белым, как мел, а серые глаза сейчас напоминали льдинки.

– Мы все уже знаем, – повторила она ровным, размеренным тоном. – Дочери мистера Ванстоуна теперь никто, закон бессилен и оставляет их на милость дяди.

Она повторяла слова юриста, но в глазах ее не было слез, голос ее не дрогнул. Мисс Гарт оперлась на скамью, голова ее закружилась, так что пришлось на мгновение закрыть глаза. Магдален поддержала ее за руку, а потом холодными губами поцеловала ее в щеку.

– Вы подслушивали? – только и смогла выговорить гувернантка. – Но как?

– Мы стояли под окном кабинета.

– Все время?

– От начала до конца.

И эта юная девушка, всего неделю назад ставшая сиротой, выслушала ужасные новости, ничем не выдав себя, не шелохнувшись? Разве что на мгновение дрогнув – вероятно, это и показалось гувернантке шелестом листьев!

– Не пытайтесь сейчас говорить, – сказала Магдален чуть мягче. – Не смотрите на меня так. Что дурного я сделала? Мистер Пендрил хотел поговорить с вами о нас с Норой. Если моя старшая сестра решила держаться в стороне, почему я должна была следовать ее примеру? Разве я не должна узнать собственную историю? Знание не причинило мне вреда. Напротив, это избавило вас от тяжелого долга рассказывать нам то, сообщил мистер Пендрил. Вы и так долго страдали за нас, пора нам научиться отвечать за себя. Я научилась. А Нора еще научится.

– Нора!

– Да, я взяла все на себя и сама рассказала Норе.

Неужели эта девочка обладает безграничной отвагой? И эту девочку воспитала сама мисс Гарт? Такая легкомысленная, безмятежная... Возможно, мисс Гарт совсем не понимает ее?

– Магдален! – воскликнула она. – Ты пугаешь меня!

Магдален лишь вздохнула и устало отвернулась.

– Постарайтесь не думать обо мне хуже, чем я заслуживаю. Я не могу плакать. Мое сердце онемело.

Она медленно пошла прочь по траве. Мисс Гарт следила за тем, как удаляется тонкая фигурка в черном, как скрывается она среди деревьев. Потом она подумала о Норе. Впервые сердце ее встревожилось больше за старшую из сестер.

Нора оставалась в своей комнате. Она сидела у окна со старой нотной тетрадью матери – той самой, что миссис Ванстоун нашла в кабинете мужа в день его гибели. Когда она подняла голову, ее глаза выражали такую кроткую печаль, что мисс Гарт на мгновение усомнилась в том, что Магдален сказала правду.

– Смотрите, тут написано имя мамы, – сказала Нора, указывая на первую страницу тетради. – А вот тут, на следующей странице, есть несколько стихотворных строк, написанных папой. Мы ведь можем оставить это себе? Вы так встревожены. Вы беспокоитесь за меня? Вы не уверены, знаю я уже наши новости или нет. Что же, я услышала правду. Возможно, позже я почувствую горечь, но сейчас я почти ничего не чувствую. Вы видели Магдален? Она пошла поискать вас. Где она?

– В саду. Я не знаю, как говорить с ней. Магдален меня пугает.

Нора встала, озадаченная ответом мисс Гарт.

– Не думайте плохо о Магдален! Она в глубине души страдает больше, чем я. И не горюйте о том, что узнали утром. Разве имеет значение, кто мы и что потеряли? Разве может быть большая потеря, чем смерть родителей? Они дарили нам только любовь – такой любви мы уже не найдем. И разве то, что мы услышали сегодня, сотрет из нашей памяти доброту отца и матери? – она с трудом перевела дыхание, но продолжила: – Подождете здесь, пока я найду Магдален и приведу ее назад? Ведь она всегда была вашей любимицей, пусть так и останется, – она положила музыкальную тетрадь на колени мисс Гарт и вышла из комнаты.

На протяжении двенадцати лет мисс Гарт изучала характеры своих воспитанниц. Ей казалось, что она знает их до мелочей, но неужели ее пристрастие к младшей было настолько очевидным? Как же она могла допустить это? И насколько хорошо она понимает девушек, которые выросли у нее на глазах?

Она невольно задумалась о природе человека, таящейся под покровом социальных установок, воспитания и образования. Насколько все это способно изменить изначальный характер? Современные философы отрицают утверждение, что все мы при рождении являем собой «чистый лист» и лишены индивидуальности. Неужели каждый из нас с первых дней существования и на протяжении всей жизни оказывается вовлечен в борьбу Добра и Зла? И если усло-

вия жизни и обстоятельства способны оказывать на нас глубокое влияние, какие скрытые силы темперамента могут выпустить на волю внезапные перемены в судьбе?

Словно в тусклом зеркале, неясно проступили перед ней две фигуры – родные сестры со столь разным характером и темпераментом, Нора и Магдален. Возможно, при счастливом стечении обстоятельств их различия не имели бы решающего характера и социальная среда сгладила бы постепенно их индивидуальные особенности. Но как по-разному отреагировали они на серьезное потрясение! И что же дальше? Что станет с ровным, невозмутимым нравом Норы? Как поведет себя яркая и впечатлительная Магдален? Как сумеют они преодолеть житейские невзгоды? И какая игра Добра и Зла будет происходить в их неокрепших душах?

Мисс Гарт была истинной женщиной. Она полагалась на здравый смысл и инстинкт, а они подсказывали, что тревожиться стоит больше за Магдален.

В этот момент дверь открылась – Нора вернулась одна.

– Вы ничего не оставляли на маленьком столике в саду? – спросила она.

Прежде чем мисс Гарт успела ответить, девушка протянула ей завешание и письмо отца.

– Магдален вернулась, когда вы ушли. Она нашла эти последние реликвии. Я застала ее за чтением письма. Вот как она читала! – Нора указала на страницу: кое-где чернила расплылись от упавших слез. – Ее слезы! – подтвердила Нора.

Мисс Гарт склонила голову. Нора нежно обняла ее и прошептала:

– Пойдемте в сад, мы должны помочь Магдален принять будущее.

Будущее! Кто может теперь угадать, каким оно предстанет? Чего ждать от озлобленного и мстительного Майкла Ванстоуна?

Глава XV

День спустя пришли новости от мистера Пендрила. Он выяснил, что Майкл Ванстоун живет в Цюрихе, и отправил ему письмо. Ответ следует ожидать в течение следующей недели.

Десять дней ожидания прошли в мучительной тревоге, а когда пришло письмо, его едва ли можно было назвать полноценным ответом. Майкл Ванстоун коротко указывал мистеру Пендрилу на необходимость связаться с его агентом в Лондоне, который располагает всеми инструкциями по поводу собственности мистера Ванстоуна. Однако выяснилось, что инструкции еще не получены, так что придется снова писать в Цюрих.

В дополнение к этой информации мистер Пендрил сообщал, что ему удалось узнать кое-что о семье мистера Ванстоуна. Его единственный сын (и вообще единственный ребенок), мистер Ноэль Ванстоун, недавно прибыл в Лондон и остановился в гостях у кузена, мистера Джорджа Бертрама. Мистер Пендрил счел уместным нанести визит этим джентльменам. Он был тепло принят мистером Бертрамом, который извинился за кузена, который не в состоянии в данный момент принимать посетителей. Мистер Ноэль Ванстоун уже несколько лет страдает от тяжелой болезни и приехал в Англию за медицинской консультацией. Путешествие сильно утомило его, так что пока у него постельный режим. Мистеру Пендрилу оставалось лишь выразить сожаления, пожелать больному здоровья и откланяться. Разговор с мистером Ноэлем Ванстоуном мог бы прояснить ситуацию, но придется подождать этой возможности еще несколько дней.

Дни шли своей чередой, в томительной неопределенности. Наконец, третье письмо адвоката принесло новости об ответе из Цюриха. Мистер Пендрил сообщал, что прибудет в Ком-Рейвен на следующий день, чтобы рассказать все при встрече.

Наступила среда, двенадцатое августа. Ночью погода изменилась, сгустился туман, небо затянули свинцовые тучи. К полудню заметно похолодало, пошел дождь – мелкий и унылый, способный длиться сутками. К трем часам мисс Гарт и Нора сидели в гостиной в ожидании мистера Пендрила. Через некоторое время к ним присоединилась Магдален. Прошло еще полчаса, прежде чем снаружи донеслись голоса адвоката и мистера Клэра-старшего, они шли под одним зонтом, под руку, сквзь проливной дождь. Проходя мимо окон, юрист поклонился дамам, но его спутник казался рассеянным или слишком задумчивым. После неизбежной задержки на пороге – мокрые ноги, зонт, с которого текла вода, – они прошли к ожидавшим их женщинам.

– Плохие новости, – с порога заявил мистер Клэр. – Я терпеть не могу лишнюю неопределенность. Простота и ясность в таком деле облегчают страдание. Я хочу быть добрым к вам, а потому говорю прямо: плохие новости.

Мистер Пендрил пожал руки дамам и сел рядом, мистер Клэр расположился чуть в стороне, у окна. Нора и Магдален сидели напротив, бок о бок, а мисс Гарт – наискосок и немного дальше, в тени. Повисла неловкая пауза, и все испытали облегчение, когда мистер Пендрил, наконец, заговорил.

– Мистер Клэр прав, я принес плохие вести. Я опечален, но ваши сомнения, мисс Гарт, оправдались, а мои надежды нет. Возраст не смягчил сердце старшего брата. В моей долгой практике я редко встречал людей столь безжалостных.

– Вы хотите сказать, что он намерен забрать все состояние брата целиком и не выделить ничего его детям? – спросила мисс Гарт.

– Он предлагает незначительную сумму на текущие расходы. Столь ничтожную, что мне даже неловко произносить цифры вслух.

– И ничего в будущем?

– Абсолютно ничего.

В этот момент одна мысль посетила Нору и мисс Гарт: решение Майкла Ванстоуна затрагивает не только девушек непосредственно. Оно делает невозможным для Фрэнка Клэра отказ от поручения в Китае и уничтожает надежды Магдален на брак с ним. Обе женщины невольно взглянули на нее. Магдален побледнела еще больше, но лицо ее не дрогнуло, ни одно слово не слетело с ее губ. Нора, державшая сестру за руку, на мгновение почувствовала, как та вздрогнула, но тут же застыла.

– Позвольте обо всем рассказать подробнее, – продолжил мистер Пендрил. – В первом письме Майклу Ванстоуну я не ограничился формальным известием о положении вещей. Я искренне и детально сообщил ему о том, какие обстоятельства привели к смерти его брата и супруги покойного, а также о вас. Когда пришел краткий ответ с указанием обратиться к агенту мистера Ванстоуна, а потом когда мне были переданы инструкции, я не мог поверить, что это окончательное и обдуманное решение. Я уговорил адвоката мистера Ванстоуна немного помедлить, чтобы я смог встретиться в Лондоне с мистером Ноэлем Ванстоуном, а сам написал еще одно письмо его отцу в Цюрих. Очередной ответ Майкла Ванстоуна был резким, почти грубым. Он категорически заявлял, что все предоставленные ранее инструкции окончательные и пересмотру не подлежат. Боюсь, мне неизвестны средства, способные тронуть столь бессердечного человека.

– Я скажу от себя и от своей сестры, – произнесла Нора, по-прежнему сжимая в руке руку Магдален. – Вы сделали все, что было в ваших силах, мистер Пендрил. Мы старались не питать надежды, и теперь благодарны вам за доброту, она для нас бесценна.

Магдален внезапно высвободила руку и придвинула стул ближе к столу. Опершись на него локтем, она подалась вперед и взглянула прямо в лицо адвоката. Она была бледна, но серые глаза сверкали, а голос звучал ниже и глубже обычного тона:

– Насколько я понимаю, мистер Пендрил, брат нашего отца прислал в Лондон инструкции, и у вас есть их экземпляр. Вы привезли его?

– Конечно.

– Могу я взглянуть?

Мистер Пендрил заколебался, беспокойно переводя взгляд с Магдален на мисс Гарт и обратно.

– Прошу, не настаивайте на этом, – смущенно сказал юрист. – Достаточно того, что вам известен итог. Зачем мучить себя чтением этого документа? Он составлен в жестком тоне, игнорирует чьи-либо чувства, даже мне трудно было его читать.

– Я ценю вашу доброту, мистер Пендрил. Но этот текст не ранит мою душу, так что позвольте мне повторить просьбу, – и она протянула тонкую девичью руку, не знавшую тяжелого труда, совсем нежную.

– О, Магдален, подумай еще раз! – воскликнула Нора.

– Вы огорчаете мистера Пендрила и всех нас, – поддержала старшую сестру мисс Гарт.

(«Глупцы! – подумал про себя мистер Клэр. – Они что – ослепли и не видят, что она твердо решила действовать по-своему?»)

– Я совершенно серьезна, – заявила Магдален. – У меня есть основания разобраться в ситуации. Пока я знаю лишь то, что брат нашего отца намерен лишить нас всего. У него должны быть мотивы для такого поведения. Он сознательно грабит Нору, меня, и я полагаю, мы имеем право знать, почему.

– Я этого знать не желаю, – решительно возразила Нора.

– А я желаю, – твердо повторила Магдален.

Тут мистер Клэр впервые счел должным вмешаться:

– Вы поступили, как считали нужным. Ваша совесть чиста, – обратился он к юристу. – Ее право знать, если она этого хочет.

Мистер Пендрил со вздохом достал письмо с инструкциями Майкла Ванстоуна и протянул его Магдален. Уголок одной из страниц был загнут, и когда девушка взяла рукопись, та открылась именно на этом месте.

– Здесь речь идет о нас с сестрой? – уточнила она.

Мистер Пендрил молча кивнул, и Магдален положила письмо на стол перед собой.

– Мне читать вслух или про себя, как ты хочешь, Нора?

– Про себя, – мисс Гарт ответила за Нору, которая была, на ее взгляд, слишком расстроена.

Магдален пожала плечами и сосредоточилась на лежавшем перед ней тексте.

«...Теперь вы располагаете ясным изложением моей воли относительно денежной собственности, а также продажи мебели, экипажей, лошадей и прочего. Последнее, что хочу сказать, касается лиц, проживающих в доме, по поводу которых я получил абсурдные просьбы от имени некоего адвоката по имени Пендрил, несомненно, преследующего личную выгоду.

Я так понимаю, мой брат оставил двух незаконнорожденных детей, ныне молодых особ женского пола, вполне взрослых, чтобы самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Я не собираюсь осуждать сентиментальные высказывания этого адвоката, в следующих абзацах я просто выскажу свои соображения по поводу этих двух молодых особ.

Дайте им понять, что я считаю обстоятельства, передавшие наследство в мои руки, актом Провидения, направленным на восстановление справедливости в отношении меня, так как все это наследство изначально должно было принадлежать мне. Я получаю деньги не только по закону, но и по божьей воле, вопреки коварству младшего брата, в свое время лишившего меня того, что мне предназначалось по праву. Я прервал с ним все отношения еще в юности. То, что он много лет пренебрегал моралью, представляя обществу некую женщину в качестве своей жены, тогда как она его женой не являлась, было дополнено не менее аморальным поступком – заключением с ней брака после долгого сожительства. Такое поведение наказано Высшим Судом в его детях. Я не намерен принимать на себя ответственность и разделять его вину, признавая его незаконных отпрысков и позволяя им пользоваться моим честным именем. Я даю им шанс показать себя достойными особами, выделяя каждой по сто фунтов, чтобы они могли начать собственную жизнь. Этим письмом я даю вам указание выплатить им означенные суммы под расписку, с оформлением всех положенных формальностей. На этом я желаю покончить с любыми контактами с этими особами. Они обязаны немедленно покинуть дом, относительно которого я уже дал вам все необходимые распоряжения. Решение мое твердое и окончательное».

Пока Магдален внимательно читала текст, остальные смотрели на нее. Трудно было не заметить, что она дышала глубже обычного, что рука ее с письмом все крепче сжималась по мере чтения, но в остальном девушка казалась невозмутимой. Закончив, она молча оттолкнула рукопись и закрыла лицо руками. Когда она отвела ладони, ее выражение изменилось – совсем чуть-чуть, но эта малая перемена отражала некий глубокий сдвиг в душе.

Она ровным голосом обратилась к мистеру Пендрилу:

– Прежде чем вы приступите к необходимым действиям, могу я попросить вас об одолжении?

Адвокат церемонно поклонился. Казалось, его удручал сам факт, что Магдален настояла на прочтении письма, и его отношение к ней стало сдержаннее.

– Вы упоминали, что, обращаясь к мистеру Майклу Ванстоуну в первый раз, действовали в наших интересах, – продолжила она. – Вы изложили ему наши обстоятельства. Если позволите, я хотела бы уточнить: что именно он знал о нас, отдавая эти распоряжения. Знал ли он о завещании нашего отца? О том, что тот хотел оставить состояние нам с сестрой?

– Конечно, знал, – подтвердил мистер Пендрил.

– Вы объяснили ему, почему мы оказались в беспомощном положении?

– Я сообщил ему, что ваш отец не имел понятия, что должен составить новое завещание после заключения брака.

– И он знал, что составить новое завещание ему помешала лишь трагическая случайность?

– Конечно.

– И о доброте к нам отца... – голос ее впервые дрогнул, она остановилась, прикрыв рот ладонью.

Нора двинулась к ней, чтобы утешить, но Магдален жестом удержала ее на расстоянии.

– Я сдержу слово никого не огорчать, – и она вновь обратилась к адвокату: – Значит, мистер Майкл Ванстоун был хорошо осведомлен о намерении нашего отца обеспечить Нору и меня?

– Я послал ему выдержку из последнего письма вашего отца. Так что он знал это из его собственных уст, так сказать.

Она помолчала, внимательно глядя в глаза собеседника.

– Я хочу накрепко запомнить все это, прежде чем уеду отсюда. Мистер Майкл Ванстоун знает о первом завещании папы, он знает, что помешало тому составить второе завещание, он знает о его последнем письме и читал фрагмент из него. Что еще? О болезни и кончине мамы? О том, что ее доля наследства должна была отойти к нам, если бы ей хватило сил поставить одну подпись? Значит, мы никто? Так он выразился?

– Я все это объяснил ему. У него не могло быть никаких сомнений.

Магдален медленно взяла в руки копию письма с указаниями дяди, сложила рукопись и с поклоном протянула ее адвокату.

– Я глубоко благодарна вам, мистер Пендрил, – она обернулась к сестре. – Нора, если мы обе доживем до старости, и если ты забудешь все, чем мы обязаны Майклу Ванстоуну, обратиться ко мне, и я тебе напомню.

Она встала и прошла к окну. Мистер Клэр поймал ее руку костистыми пальцами.

– Что за маску вы избрали, чтобы скрывать свои чувства? – спросил он, заставив девушку обернуться; он внимательно взглянул ей в лицо. – Какая температура питает вашу отвагу – ледяной холод или жар, раскаленный добела?

Магдален отшатнулась и выдернула руку. «Нет, это не холод, – подумал старик. – Тем хуже для нее и для тех, кто окажется близок к ней». Повисла пауза. Только шум дождя и тиканье часов нарушали тишину. Мистер Пендрил положил копию письма с указаниями в карман, а затем развернулся к Норе и мисс Гарт.

– Мы затронули болезненные темы, – мягко проговорил он. – Нам лучше обсудить будущее. Я сегодня вечером должен вернуться в город. Я готов помочь вам всем, что в моих силах. И в дальнейшем обращайтесь ко мне без колебаний.

Женщины растерялись. Они понимали, что о предполагаемом ранее браке Магдален и речи быть не может. Но теперь они осознали, что представления не имеют, как поступать дальше. Их тревожила и реакция Магдален, словно нарочно причиняющей себе боль сверх необходимого. Стоявшая у окна девушка превратилась для сестры и гувернантки в загадку. Кроме того, и Нора, и мисс Гарт не привыкли принимать важные решения, а потому хранили молчание. Их вывел из оцепенения мистер Пендрил, который догадался об их состоянии.

– Мне жаль, что я вынужден вовлекать вас в деловые вопросы, к которым вы не готовы. Но, вернувшись в Лондон, я должен сделать необходимые распоряжения. В том числе в связи с тем, что я еще не упоминал. Младшая мисс Ванстоун прочитала указания и сама все знает, но вам скажу коротко: мистер Майкл Ванстоун указал выделить каждой из дочерей брата по сто фунтов.

Нора вспыхнула от негодования.

– Если хотите, я могу сообщить мистеру Ванстоуну, что вы отказались от этих денег.

– Передайте ему: даже если я стану умирать от голода, я и фартинга не возьму из его рук! – воскликнула Нора.

– А что скажете вы? – юрист обратился к Магдален.

Она обернулась, но лицо ее оставалось в тени, так что трудно было судить о его выражении.

– Скажите ему: пусть еще раз подумает, прежде чем отправлять меня в жизнь с сотней фунтов. У него еще есть время изменить решение.

Эти странные слова она произнесла с непонятной решимостью, а затем быстро отвернулась обратно, к окну.

– Значит, вы обе отказываетесь, – произнес мистер Пендрил, задумчиво глядя на Магдален. Ее поведение разбудило неизбежную для юриста подозрительность; он полагал, что ни старшая сестра, ни бывшая гувернантка не имели влияния на девушку.

Внезапно Магдален обернулась к собравшимся и задала еще один вопрос:

– Он старик?

– Если вы говорите о мистере Майкле Ванстоуне, ему семьдесят пять или шесть лет.

– Вы упоминали его сына. Есть ли другие дети?

– Нет, один сын.

– А что вы знаете о его жене?

– Она умерла много лет назад.

– Зачем тебе все это? – высказала общее удивление Нора.

– Простите, у меня больше нет вопросов.

Чуть заметно покачав головой, мистер Пендрил вновь вернул разговор к деловым аспектам.

– Не следует забывать о слугах, – заметил он. – Им надо предоставить возможность найти новое место, перед отъездом я дам непосредственные указания. Что касается дома, вы здесь ничем не должны заниматься. Экипажи, лошади, мебель, посуда и прочее имущество останутся на месте до дальнейших распоряжений мистера Майкла Ванстоуна. Но все, что принадлежит лично обеим мисс Ванстоун, включая одежду, украшения и небольшие подарки, которые вы получали прежде, остаются в вашей собственности. Насколько я понял, мистер Ванстоун приедет из Цюриха примерно через месяц, вероятно, его юрист позволит вам...

– Простите, мистер Пендрил, – прервала его Нора, – поскольку дом и все имущество отныне принадлежат Майклу Ванстоуна, я готова уехать хоть завтра!

Магдален сделала шаг от окна и взглянула на мистера Клэра, в первый раз на ее лице отразилось волнение и беспокойство.

– Не сердитесь на меня, – прошептала она, подавшись вперед, к старику, – я не могу уехать, не увидев Фрэнка!

– Вы его увидите, – кивнул он, – я пришел как раз для того, чтобы поговорить с вами об этом, когда закончатся деловые разговоры.

– Нет нужды спешить с отъездом, – заверил женщин мистер Пендрил, обращаясь, в основном, к Норе. – Уверю, у вас есть не меньше недели.

– Я хочу уехать как можно скорее! – упрямо повторила Нора.

Она резко встала, прошла по комнате, потом села на софу. Внезапно она переменилась в лице – на этих подушках лежала ее мать за пару часов до катастрофы, вон в том старомодном кресле в ногах обычно сидел отец в дождливые дни, а они с сестрой играли на фортепиано его любимые мелодии... Она чуть не застонала в отчаянии.

– Мисс Ванстоун, могу я поинтересоваться, есть ли у вас с сестрой определенные планы на будущее? – спросил ее мистер Пендрил. – Вы думали, куда поедете?

– Я возьму это на себя, сэр, – ответила ему мисс Гарт. – Я поеду с ними. Мой дом – их дом! Их родители удостоили меня чести быть членом семьи, они доверяли мне, любили меня. Я прожила здесь двенадцать счастливых лет и ни за что не оставлю в беде своих воспитанниц.

На этот раз реакция сестер была одинаковой: Нора стремительно поднялась с софы, а Магдален поспешила от окна – обе девушки хотели выразить искреннюю благодарность мисс Гарт. Гувернантка обняла их и взглянула на мужчин. Она заговорила уверенно, продемонстрировав немалое самообладание.

– Джентльмены, я хочу, чтобы вы поняли, я не обещаю больше того, что мне по силам. Когда я пришла в этот дом, я располагала гораздо большей независимостью, чем большинство гувернанток. В юности я помогала в преподавании старшей сестре, мы открыли в Лондоне школу, которая с тех пор стала большой и процветающей. Я согласилась на должность гувернантки только из-за того, что в школе на моих плечах лежала слишком большая ответственность. Но доля моя в заведении сохранилась, и прибыль я не использовала, так что теперь обладаю небольшими личными средствами. Я полагаю, мы отправимся в Лондон, в школу моей сестры. Там мы сможем вести спокойную жизнь, пока не обдумаем дальнейшие перспективы. Нора и Магдален должны найти способ стать независимыми, и я помогу им в этом. Они должны найти место в жизни, достойное дочерей джентльмена. Думаю, нет нужды усугублять тяжесть ситуации долгим расставанием с прежней жизнью. Нора права: мы уедем завтра. Что касается слуг, мистер Пендрил, я могу собрать их в соседней комнате и выяснить, кому из них нужны рекомендации.

Не дожидаясь реакции адвоката и не давая девушкам времени для раздумья, она пошла к двери. Но мистер Клэр остановил ее буквально на пороге.

– Никогда прежде не завидовал женщинам! – сказал старик. – Вы правы во всем, но есть одно небольшое обстоятельство... Я про Фрэнка. Забирайте с собой старшую сестру и адвоката, а мне оставьте пока младшую. Посмотрим, из какого материала она сделана.

Мистер Пендрил тем временем негромко обратился к Норе:

– Я бы хотел увидеться с вами наедине, прежде чем уезжать. Я уважаю вашу сдержанность, мисс Ванстоун, и как друг вашего отца считаю своим долгом поговорить с вами о сестре.

Прежде чем Нора успела ответить, адвокат проследовал за мисс Гарт, чтобы собрать слуг, Нора пошла следом. Мистер Клэр и Магдален остались в комнате вдвоем. Старик жестом пригласил ее присесть. Магдален молча подчинилась.

– Сколько вам лет? – спросил он внезапно.

– Восемнадцать.

– У вас необычайная отвага для столь юной девушки.

Она стиснула руки и выжидательно смотрела на него, но по щеке скатилась предательская слеза.

– Я не могу оставить Фрэнка, – прошептала она. – Если вам нет дела до меня, то во имя моего отца, прошу, проявите доброту, – последние слова были почти неслышными.

Ее первая любовь к юноше переплеталась с дорогими сердцу воспоминаниями о родителях, о счастливых и безмятежных днях. Она невольно переносила всю прежнюю радость жизни на Фрэнка, приписывая ему слишком много достоинств.

– Нет, нет, я не могу забыть о нем! Даже тысяча отцов не уговорит меня!

– Я всего лишь один отец, и я не собираюсь вас уговаривать, – ответил мистер Клэр.

Магдален вскочила – удивленная и полная новой надежды. Она хотела броситься и обнять старика, но он остановил ее и усадил на ближайший стул. Затем предостерегающе помаhal указательным пальцем, словно общался с маленьким ребенком.

– Обнимайте Фрэнка, а не меня, – проворчал он. – Я еще не закончил. Не исключено, что позже ваши чувства изменятся. Ну, спокойнее? Я могу продолжать?

Магдален молча кивнула.

– Есть существа, в которых мужчины, во всем остальном разумные, находят счастье своей жизни. Но разве есть на свете кто-то, так мало подходящий для этой роли, как женщина? – старик вздохнул и присмотрелся к девушке, она уже утерла слезы и смотрела в ожидании. – Полагаю, теперь готовы слушать. Я не прошу вас отказаться от Фрэнка. Я прошу подождать.

– Хорошо, я буду ждать, – ответила она. – Очень терпеливо.

– И вы отпустите его в Китай?

Магдален низко склонила голову, снова стиснула руки и не находила слов. Мистер Клэр понимал ее затруднение, так что продолжил.

– Я не намерен мешать вашим чувствам – ни чувствам Фрэнка. Зачем мне это? Но я вынужден указать на два факта. Вы не можете пожениться, не имея ни денег, ни крыши над головой, ни одежды, ни перспектив приобретать еду. И второе: лично вы не можете найти деньги, я не могу, а у Фрэнка есть один шанс для этого – поехать в Китай. Если я ему скажу, что он должен ехать, он сядет в угол и расплачется. Если я стану настаивать, скажет «хорошо», а потом обманет меня. Если я сам доставлю его на борт корабля, он найдет способ улизнуть с него на лодке. Таков уж его нрав.

– Нет, это не его нрав! – горячо возразила Магдален. – Просто он любит меня.

– Называйте это как угодно. В любом случае, он вывернется из моих рук и вернется. Но если вы скажете ему, что он должен ехать и работать, он послушается. Хватит ли вам отваги для этого? Способны вы сделать это для него?

– Я даже умереть ради него готова!

– Значит, вы отправите его в Китай?

Она горько вздохнула.

– Хоть немного пожалейте меня. Я только что потеряла отца и мать, я потеряла все средства – а теперь я теряю еще и Фрэнка. Я знаю, что вы не любите женщин, но вы можете меня просто пожалеть? Я понимаю, что в его собственных интересах поехать в Китай, но мне тяжело, очень, очень тяжело.

Мистер Клэр не был бессердечным человеком, но предпочитал смотреть на вещи трезво.

– Я не сомневаюсь, что вам сейчас невыносимо тяжело, но подумайте: это пойдет на пользу Фрэнку. Он сможет сделать деньги в Китае и потом жениться на вас. Но если он останется дома, это погубит вас обоих.

Он уговорит вас пожениться скорее, невзирая на обстоятельства, и я знаю, что вы любите его и с готовностью пожертвуете всем, а он будет умолять, смотреть в глаза, плакать...

Магдален нахмурилась:

– Вы еще не знаете меня. Я смогу быть твердой. Лучше я пострадаю, но у Фрэнка будет шанс выйти в люди. Я не стану для него обузой. Я буду для Фрэнка добрым ангелом! И он непременно поедет в Китай! Я скажу ему это, когда завтра мы будем прощаться.

И отважная Магдален расплакалась.

Теперь уже мистер Клэр подошел к ней и взял за руку.

– Я помогу вам, – заверил он. – Я передам ему наш разговор как можно точнее. Завтра он уже будет знать о ваших намерениях.

– Пообещайте мне еще кое-что. Если я смогу найти деньги раньше, чем пройдет пять лет, если я смогу принести Фрэнку состояние, как того хотел мой отец, вы позволите ему вернуться раньше?

Мистер Клэр покачал головой. «О чем только думает девчонка? Она что – надеется смягчить сердце дяди?»

– Не надо тешить себя фантазиями, – сказал он вслух. – Мы можем мечтать о волшебной удаче, но надо помнить о реальности. Естественно, если бы у вас двоих сейчас были средства для жизни, я бы немедленно отправил вас под венец.

Магдален глубоко задумалась, молча кивнув ему. Мистер Клэр ушел, еще раз пообещав ей, что завтра утром Фрэнк придет прощаться.

Выйдя из комнаты, он пробормотал:

– Всего восемнадцать лет, а она уже сейчас слишком трудна для моего понимания.

В холле мистер Клэр увидел Нору, с нетерпением ожидавшую окончания их разговора.

– Ну как? Фрэнк поедет в Китай? – спросила она напрямик.

– Вы повнимательнее следите за сестрой, – сказал ей старик. – Ей выпало одно несчастье: она не похожа на обычных женщин. Не знаю даже, хорошо это или плохо. Просто предупреждаю: ее будущее не станет простым.

Час спустя мистер Пендрил покинул дом, а с ночной почтой мисс Гарт отправила письмо сестре в Лондон.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА

Интермедия

Корреспонденция, в которой история получает развитие

I

*От Норы Ванстоун мистеру Пендрилу.
Вестморленд-хаус, Кенсингтон,
И августа 1846 г.*

Дорогой мистер Пендрил, дата этого письма подскажет вам, что тяжелое расставание свершилось. Мы оставили Ком-Рейвен, сказав родному дому «прощай».

Я серьезно обдумала то, что вы сказали мне в среду, перед отъездом в Лондон. Я согласна: мисс Гарт волнуется за нас гораздо больше, чем сама готова признать, и мой долг в будущем позаботиться о себе и сестре. Это самое малое, что я могу сделать для той, кто заменила нам мать.

Но позвольте мне не согласиться с тем, что вы сказали про Магдален. Я отдаю себе отчет в том, что положение наше беспомощное и ваша помощь чрезвычайно важна, что вы искренний и давний друг нашего отца, а не только его поверенный в делах. Меня огорчает необходимость хоть в чем-то возражать вам, но я вынуждена. Магдален странная, необычная для тех, кто плохо знает ее. Возможно, она произвела на вас неблагоприятное впечатление. Но я ни за что не поверю в то, что она могла бы руководствоваться низкими чувствами. Она удивительно благородна по натуре, хотя и упряма. Скептическое мнение мистера Клэра не служит для меня аргументом. Он вообще никому не доверяет. Но вы так добры к нам, и потому мне грустно думать, что вы несправедливы к Магдален.

Облегчив душу этим признанием, я могу перейти к главному предмету моего письма. Я обещала сообщить вам обо всем, что происходило с нами после вашего отъезда. Итак, начну по порядку.

Мне было обидно, что три наших служанки – горничная, кухонная девушка и даже наша личная горничная (к ней мы всегда были особенно добры) без колебаний воспользовались вашим предложением, взяли жалованье и немедленно покинули дом. Они попрощались вежливо, но равнодушно, словно ничего не случилось. Повариха, которая всегда проявляла тяжелый характер, напротив, повела себя очень по-доброму и сказала, что останется вплоть до нашего отъезда. Томас, который прежде ни у кого другого не служил, с большой благодарностью вспоминал доброту нашего отца и старался во всем помогать нам, так что мы с Магдален оставили светские правила и от души пожали ему руку на прощание. Бедный парень плакал, провожая нас. Надеюсь, он найдет отличное место, где его будут ценить.

Последний вечер в Ком-Рейвене был хмурым и дождливым. Наверное, даже зима оказалась бы не так мрачна. В доме оставалось пятеро – нас трое и двое слуг. А раньше было так многолюдно и весело! Передать не могу, как уныло было часам к семи вечера в пустом доме, в тишине. Вероятно, долгие летние вечера нравятся счастливым людям? Мы постарались занять себя, чтобы не терять присутствия духа. Мисс Гарт очень помогла нам. Срочные сборы в дорогу оказались весьма уместными. Мы паковали вещи – но оставаться в одиночестве в своих комнатах было свыше наших сил, так что мы перенесли все вниз, свалили на большой обеденный стол, чтобы работать вместе. Я уверена, что мы не взяли ничего, кроме личного имущества.

Мое мнение, что Магдален в среду была не в себе, можно подтвердить одним примером из того вечера в среду, когда мы готовились к отъезду. Когда мы упаковали одежду, подарки на дни рождения, книги и ноты, пришло время разобрать письма, они лежали на столе общей грудой. Часть моих писем перемешалась с теми, что принадлежали Магдален, так что я случайно увидела карточку, которую оставил ей режиссер, ставивший домашний спектакль у наших знакомых, в котором она участвовала. Там были его имя и адрес – он предполагал, что может пригодиться ей в следующих развлечениях подобного рода или что она порекомендует его другим. Я не видела смысла в том, чтобы хранить эту карточку в наших новых обстоятельствах. Поэтому я отложила ее в сторону, где лежали бумаги на выброс. Магдален заметила карточку и тут же забрала, заявив, что ни за что не станет ее выкидывать. Она даже рассердилась на меня и на мисс Гарт, когда мы спросили, зачем ей эта ерунда! По-моему, это явно показывает, как она расстроена, как пытается сохранить незначительные свидетельства прошлого, а любой случайный жест способна истолковать, как нападки на нее лично. Она в некоторых отношениях еще совсем ребенок.

Вскоре после одиннадцати мы разошлись по комнатам. Я выглянула в сад, ночь была суровой: ни луны, ни звезд, глухая темнота, невозможно взглянуть на виды, которые я всю жизнь так любила. Тишина была такая, что даже собственные движения казались мне слишком шумными. Я легла, но сон не приходил, на меня навалилось чувство безграничного одиночества. Я уже совсем взрослая, мне двадцать шесть лет, я привыкла считать себя рассудительной, но тут... не знаю, что побудило меня встать и пройти в комнату Магдален, как бывало в детстве. Она сидела у столика, с письменными принадлежностями. Погруженная в задумчивость. Я сказала, что хотела бы провести с ней последнюю ночь в нашем доме, она поцеловала меня и посоветовала лечь, обещая, что скоро присоединится ко мне. У нее в комнате я сразу заснула и пробудилась уже утром – Магдален сидела на прежнем месте, все в той же задумчивости. Она так и не легла, всю ночь просидела, о чем-то размышляя.

«Посплю, когда мы покинем Ком-Рейвен, – пояснила она. – Мне легче, когда все это закончится, когда я попрощаюсь с Фрэнком». В руках у нее было завещание отца и его последнее письмо, она передала их мне, как старшей, в качестве драгоценных реликвий. Я предложила разделить их, но она решительно покачала головой. Она заверила, что сделала для себя копии. «Я никогда не забуду его желание позаботиться о нас, это все, что мне нужно в будущем», – она показала свою белую шелковую сумочку, в которую спрятала свои копии.

Простите, что я обременяю вас такими пустяками, но я обращаюсь к вам как к другу отца, а не просто адвокату. И мне очень хочется убедить вас в том, что Магдален заслуживает лучшего отношения.

В четверг утром нас удивило странное письмо, найденное на столе. Оно было адресовано мисс Гарт и написано на бумаге с траурной черной каймой. Его автором был человек, как-то случайно встреченный нами на дороге к дому, капитан Редж. Он претендовал на некое отдаленное семейное отношение к нашей маме, поэтому взял на себя смелость выразить соболезнования. Он узнал новости из газет, но писал, как будто был знаком с нами. Более того, он выражал желание присутствовать при чтении завещания! В конце содержался его адрес на следующие две недели: Почта, Бирмингем. Больше мне нечего сказать по этому поводу. Не думаю, что этот человек и его послание заслуживают внимания.

После завтрака Магдален покинула нас. День был дождливый, и мы решили, что ей лучше встретиться с Фрэнком в утренней гостиной. Когда он пришел, я была наверху и оставалась там еще полчаса, ужасно волнуясь за сестру.

Наконец я не выдержала – еще на лестнице я услышала ее голос – она называла Фрэнка по имени, а затем разрыдалась и тут же засмеялась, таким необычным смехом, и он присоединился к ней. Я тут же поспешила в комнату и нашла Магдален на софе в совершенной истерике, а Фрэнк стоял, уставившись на нее с сердитым видом, и кусал ногти.

Я не знала, что произошло между ними, но была возмущена и буквально вытолкала мистера Фрэнсиса Клэра из комнаты. Я рассказываю об этом, так как понимаю, что он был оскорблен, он назвал мое поведение «насилием, недостойным леди». Я действительно забылась, но, полагаю, не без оснований.

Я выставила его в холл, а мисс Гарт взялась позаботиться о Магдален. Однако Фрэнк не ушел, а плюхнулся на стул и стал спрашивать, почему я применяю к нему «необычайное насилие». Я ответила, что причины, на мой взгляд, очевидны, и попросила его удалиться, но он весь обмяк и только грыз ногти. Потом опять стал спрашивать, почему я обращаюсь с ним «таким бесчувственным образом». Я настаивала на том, чтобы он ушел, даже пригрозила позвать его отца. Это заставило его буквально подскочить со стула. «Со мной в данном случае поступили совершенно бесчестно. Все трудности и жертвы выпадают на мою долю. Я тут единственный, у кого есть сердце, а все остальные холодны и жестоки, как камень. В том числе Магдален. Она говорит, что любит меня, но при этом требует, чтобы я ехал в Китай. А я всего лишь хочу остаться дома! Все, абсолютно все против меня!» Такова была его речь. С этим он ушел, что-то оскорбленно бормоча по дороге. Он не делал попыток вернуться. Час спустя зашел попрощаться его отец. Он виделся со мной и с мисс Гарт, но не с Магдален. Он обещал предпринять меры, чтобы за его сыном как следует присмотрели в Лондоне и посадили на корабль, отправляющийся в Китай. Мистер Клэр был ужасно расстроен, даже он ожидал от сына более достойного поведения.

До отъезда нам оставалось часа два, я попыталась поговорить с Магдален, она уже затихла, была очень бледна и измучена. Ни в тот день, ни позже она не пожелала рассказать о своем разговоре с Фрэнсисом Клэром, но когда я сердито высказалась о нем, она и слушать не стала. Сестра находит ему множество оправданий и винит во всем только себя и несчастное стечение обстоятельств. Я ведь говорила вам уже, что она по натуре благородна. Судите теперь сами.

Мы вели прежде довольно замкнутую жизнь, знакомых у нас немного и живут они далеко – а может, слишком индифферентны, чтобы приехать и попрощаться. Мы обошли в последний раз дом, заглянули в старую классную комнату, спальни, в том числе ту, где умерла мама, папин кабинет. Так что прощались мы с тенями прошлого. Погода немного прояснилась, так что мы смогли выйти в сад, а затем в последний раз склонили колени у могилы родителей. Я думала, у меня разорвется сердце. В августе был бы день рождения мамы, мы с папой и Магдален уже обсуждали для нее подарок, который никогда не будет сделан.

Мне едва хватило сил увести Магдален, она была так несчастна! Когда мы уже отошли на несколько шагов, она внезапно рванулась назад, собрала горсть земли с могилы наших родителей и что-то сказала – я не расслышала ее слов, но когда я подросла, глаза у нее сверкали яростью, я испугалась в тот момент за ее рассудок. К счастью, припадок прошел так же быстро, как начался. Она затихла и позволила увести ее с церковного двора. Позже на мои расспросы она ответила, что дала обещание отцу, больше ничего мне узнать не удалось, поскольку я не хотела вновь доводить ее до отчаяния. Надеюсь, вы не истолкуете этот импульс в дурном для нее свете.

Нам надо было уже спешить на поезд. На станции не было ни одного знакомого, и это даже хорошо – мне не хотелось бы, чтобы на нас смотрели любопытные. Когда мы заняли места в вагоне, вновь пошел дождь, нервы наши были на пределе – все напоминало о трагической гибели дорогого папы. Я изо всех сил старалась не писать это послание в чересчур мрачном тоне. Письмо вышло слишком длинным. Но разве можно выразить пером все чувства?

Мы пытаемся освоиться на новом месте, пока ничего не могу сказать определенно, но сестра мисс Гарт приняла нас самым сердечным образом. Нам дали время прийти в себя, прежде чем строить планы на будущее и выбирать занятие, которое принесет нам средства к

существованию. Дом здесь очень большой, расположение комнат хорошо продумано, только по смеху младших девочек в саду можно понять, что мы находимся при школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.